

ДИАНА
ХАНТ

МАРГО
ГЕНЕР

СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ ПУСТОШИ

книга 2

18+

Сердце Чёрной Пустоши

Марго Генер

Сердце Черной Пустоши. Книга 2

«Автор»

2018

Генер М.

Сердце Черной Пустоши. Книга 2 / М. Генер — «Автор»,
2018 — (Сердце Чёрной Пустоши)

Леди Элизабет, молодой маг из Аварона, волею судьбы заброшена в далекое королевство Черная Пустошь. Пугающие ритуалы и обычаи, из которых самый страшный запрет на магию - суровое испытание для любого мага. Но самое страшное в Пустоши - ее правитель. Принц, которого Элизабет не знает. Принц, которому она обещана.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марго Генер, Диана Хант

Сердце Черной Пустоши. Книга 2

Глава 1

Черный принц оказался таким, словно вышел из моих кошмаров. В них лица было не разглядеть, а сейчас пронзительный взгляд его высочества проникает в самую душу. Угольного цвета волосы сливаются с плащом, кисть в черной перчатке на рукояти меча. По сравнению с белокурым загорелым виконтом бледный и худощавый принц, одетый в черное, показался самым воплощением тьмы.

Но стоило приглядеться, как поняла, что принц скорее устал и изможден, нежели страшен. Вопреки логике, это напугало еще сильнее. Точнее мысль о том, что могло лишит сил этого человека.

Глядя на его высочество невольно представилось, что он преодолел тысячу миль без сна, еды, сражаясь по пути с великанами и драконами. На бледном лице синими звездами горят глаза, под ними пролегли глубокие тени. Слабый зеленоватый свет Нефритовой пещеры обострил и без того хищные черты его высочества, отчего он стал похож на ястреба в черном плаще.

Принц скользнул по виконту мимолетным взглядом, и я вновь вздрогнула, отметив их сходство. Словно два одинаковых магических сосуда, но в один добавили моря, солнца и ветра, а в другой силы, ночи, твердости скал и какой-то вековой усталости.

Его светлость сказал что-то виконту, должно быть, ответил на приветствие, и звук голоса вывел меня из ступора. Я затрясла головой, точно щенок, который выбрался из воды.

Голос у принца оказался низким, глубоким, проникающим в самое нутро.

– Я рад видеть вас, леди Гриндфорд, в добром здравии, – холодно сказал принц, глядя на меня, и я сглотнула, уставившись на его высочество, как кролик на удава.

Оттого, что все еще нахожусь на постаменте собственной нефритовой статуи, должна смотреть на принца сверху, но наши глаза находятся на одном уровне.

Я с запозданием вспомнила о манерах и присела в книксене, собираясь с духом, чтобы поприветствовать человека, которому отныне принадлежит моя жизнь.

Но принц опередил меня.

– К сожалению, леди Гриндфорд, сейчас нет возможности приветствовать вас в соответствии с традициями, – сказал он. – Это недоразумение будет исправлено не позднее, чем через три дня. Сразу после церемонии Приветствия, которой заслуживает леди вашего положения, состоится обряд бракосочетания.

Я снова сглотнула и часто заморгала, кляня про себя собственную неловкость, которая помешала поприветствовать принца, как полагается. Но его слова о скором бракосочетании, произнесенные холодным, даже отстраненным тоном, словно принц говорит о досадной повинности, вновь повергли в ступор.

– Я, – еле слышно пролепетала я. – Но...

Принц, который, казалось, успел забыть обо мне и смотрел на виконта, обернулся так резко, что я поспешно закрыла рот и присела в книксене.

– Да, ваше высочество, – тихо проговорила я, оставаясь в полупоклоне.

Принц коротко кивнул и снова обернулся к виконту.

– Я в Аврору, – сказал он. – Это срочно. Снова было вторжение, не успел отследить откуда. Зверя – изолировать. Возможно, дело в нем.

Не прощаясь, принц развернулся на каблуках и покинул пещеру. Виконт устремился за ним.

Стоило воротам захлопнуться, колени подкосились. Я качнулась, и если бы не помощь Рамины, упала бы. Что-то в словах принца насторожило, даже напугало, но восторженный вопль Рамины отвлек.

– Вы сделали это! – проорала камеристка, глядя на меня круглыми от восторга глазами. – Вы вернули нам принца! Стоило вам зажечь священный огонь, он вернулся! Это добрый знак, миледи, очень добрый! Черная Пустошь приняла вас и признала своей леди! Я всем, всем должна рассказать об этом!

От переполняющих эмоций Рамина, видимо, забыла, что находится при исполнении обязанностей и, подхватив юбки, бросилась к выходу.

Мысль о том, что останусь в одиночестве в Нефритовой пещере глубоко под замком, откуда самой не выйти, отрезвила.

Я успела дернуть уходящую камеристку за край плаща. Капюшон сполз, девушка ойкнула и торопливо натянула его обратно, заколов шпильками. Затем уставилась на меня с таким видом, словно впервые встретила.

– Простите великодушно, миледи! – бойко затараторила Рамина. – Я и вправду разум потеряла оттого, что удостоилась чести узреть! Сколь глубока и священна связь между вами и принцем! Не зря вы единственная из невест, кто выжил!

Сообразив, что сболтнула лишнего, Рамина торопливо закрыла рот ладонью и стыдливо присела в книксене.

– Какая еще связь, Рамина, – проговорила я. – Это совпадение.

– В Черной Пустоши не бывает совпадений! – жарко возразила камеристка. – Это связь! Это любовь! Любовь Черного принца и его леди!

Я приложила пальцы к вискам и слегка помассировала их. В свете всего произошедшего начинало казаться, что в моем новом доме все не вполне нормальные. А услышав чепуху, которую несет Рамина, подумала, что даже Бенара выглядит на ее фоне оплотом здравомыслия.

– Что ты мелешь, – невежливо перебила я камеристку, рассудив, что по-другому она не поймет. – Какая еще любовь и связь. Мы увиделись с принцем впервые. Он и двух слов мне не сказал, я не говорю уже о приветствии согласно нормам этикета, принятым в обществе. Он мне и рта раскрыть не дал...

– Я вас умоляю, миледи! – фамильярно перебила меня Рамина. – Ну о чем ему с вами разговаривать?

Грубость оказалась такой неожиданной, что я даже не оскорбилась, а просто ошарашенно захлопала ресницами.

– Что ты сказала, Рамина? – пробормотала я, подняв брови.

Румянец на щеках камеристки стал пунцовым. Путаясь и заикаясь, она пролепетала:

– Мужчины Черной Пустоши... молчаливы, миледи. Каждое слово – равноценно камню! Женщины – другие, конечно... Но... женщины редко говорят в присутствии мужчин...

– Вот как? – перебила на этот раз я, – отчего же? Отчего же вы не говорите в присутствии своих мужчин?

Рамина сглотнула, глядя в потолок, словно решалась на что-то, затем тряхнула головой, и пояснила:

– Каждая женщина с детства знает, что мужчина намного сильнее и умнее ее... И мы слишком горды, чтобы обнажать свое скудоумие в их присутствии. Свои недостойные речи мы ведем на женских половинах домов. Его высочество пришел править нами с Огненных Земель, поэтому не стал оборудовать для вас отдельную часть замка, как сделал бы другой на его месте. Не все с этим его решением согласны, но... Но все же никто не посоветует вам вести себя здесь

столь же фривольно, как принято за Звездным морем. Принцессу непременно будут уважать за ее истинно женские качества: доброту, скромность, кротость и смирение.

По мере рассказа Рамины мои брови ползли все выше и выше, а глаз начал дергаться. Показалось, если она и дальше продолжит нести эту унижающую женщин чушь, я не сдержусь и отвечу в традициях самых невоздержанных на язык девиц Аварона.

– После. Я обдумаю все, что ты сказала, после, – сказала я камеристке. – Сейчас следует пройти в мои покои. Ты проводишь меня, а потом позовешь Альре. Да, Альре... Он обещал познакомить меня с особенностями ведения дел замка.

– Слушаюсь, миледи, – сказала Рамина, присев в книксене. – Но не лучше бы вам поговорить с мистрис Одли, вашей старшей камеристкой? Она старше и опытнее господина Альре, и я подумала...

– А я подумала, что ты слишком много болтаешь, не говоря о том, что слишком много себе позволяешь для прислуги! – выпалила я.

Рамина часто заморгала и потупилась. По румяным щекам потянулись влажные дорожки, а я закусила губу от досады, поняв, что в первый же день довела девушку до слез.

– Прости, Рамина, – тихо проговорила я. – Я не имела ввиду ничего дурного и не хотела тебя обидеть. Просто немного на взводе после путешествия и всего остального.

Рамина шмыгнула носом, смахнув слезы с румяных щек, и робко улыбнулась.

– Конечно, миледи, я так и поняла, что волнуетесь из-за вашего зверя.

Заметив мой непонимающий взгляд, она с готовностью напомнила:

– Его высочество велел его изолировать...

Девушка не успела договорить. Я довольно резко и грубо дернула ее за руку, вынуждая замолчать и выпалила:

– Бегом! В мои покои! Да что ты стоишь! Веди же! Рамина замешкалась и, видимо, хотела что-то сказать, но столкнувшись со мной взглядом, не посмела.

Чуть ли не бегом мы взлетели по винтовой лестнице, преодолев несколько пролетов, затем взбежали по еще одной. Когда Рамина остановилась у перил, вцепившись пальцами в мрамор и часто дыша, я снова нетерпеливо дернула ее за руку.

– Да быстрее же! – крикнула я. – Я ведь не найду без тебя дорогу!

Девушка перевела дыхание и снова устремилась по нескончаемым коридорам. Я держалась рядом, то и дело забегая вперед, торопя камеристку, как могла.

Девушка причитала, что она задохнется, упадет, умрет и никто не пожалеет бедную сиротку, но я была неумолима, потому что после известия, о Диларионе, которого собираются изолировать, стало не до жалости.

– Да куда вы так спешите, леди, – причитала Рамина. – Раз его высочество приказали изолировать, значит, уже сделано. А раз сделано, то зачем ноги в кровь сбивать.

– Ничего, не собьешь, – хмуро пообещала я и закусила губу. – Никто не вправе трогать моего питомца без разрешения! А меня даже не поставили в известность!

– А принцу не нужно ни у кого спрашивать разрешения! – резонно возразила Рамина. – Он в своем замке и в своем королевстве, между прочим.

– Это и мой замок, – сообщила я. – Уже почти. А Диларион – мой питомец! Поэтому не мели ерунды, пожалуйста, а переставляй ноги быстрее!

Камеристка, не стесняясь, сообщила богам, что госпожа Черной Пустоши слишком сурова к ней, бедной деревенской девушке. Но, к моему облегчению, я узнала знакомый коридор по лепнине и, припустив, оставила Рамину за спиной.

Я не знала, что думали слуги о невесте его высочества, которая, сломя голову, несется по коридорам, но все успевали присесть в книксене или поклониться, а некоторые даже справлялись о самочувствии и желали хорошего дня.

Наконец, двери покоев распахнулись. Миновав личный приемный зал, который вполне подошел бы для приема делегации из Огненных Земель, я бегом миновала гостиную и ворвалась в свою спальню, где на прикроватном столике должна лежать шляпная коробка с мирно спящим дракончиком.

Столик оказался пуст.

Рамина вбежала за мной и остановилась, опираясь плечом о косяк. Тяжелое дыхание красноречиво дополнилось осуждающим взглядом.

– Где они?! – вскричала я, оборачиваясь к девушке, отчего она часто заморгала и схватилась за сердце.

– Где покои принца? – пояснила я, когда осознала, что камеристка не поняла.

– Зачем вам покои принца? – плаксиво спросила Рамина. – Вы же сами слышали, он отбыл в Аврору. Это самый север Пустоши.

Стоило мне приблизиться, Рамина послушно присела в книксене, и склонив голову, пролепетала:

– Ваша спальня соединяется со спальней его высочества...

Я проследила взгляд камеристки и бросилась к высокой двери с черной круглой ручкой, которую сначала приняла за отделку стены, а ручку за глаз гигантской розово-золотой птицы с яблоком в клюве.

Дернув раз, другой, третий, я чуть было не воспользовалась магией, но остановила себя в последний момент, вспомнив о холодном синем огне в глазах принца.

– Здесь закрыто, – сообщила я камеристке, и та вздохнула.

– Извольте следовать за мной, миледи, – пробормотала она.

Забег по дворцовым коридорам повторился. На этот раз мы направились в другую сторону, и я поняла, что обходим наши смежные с принцем покои.

В отчаянии я закусила губу и перебирала в уме все, что выскажу сейчас его высочеству. Оттого, что понятия не имела, как разговаривать с принцем из Черного дома, я то вспоминала самые изысканные речевые обороты, которым учил мастер изящной словесности в Авароне, то мудрые, всегда немного надменные наставления Бенары. То вовсе принималась думать об угрозах, которые озвучу будущему мужу за то, что посмел взять моего дракончика без спроса.

Когда лоб в лоб столкнулась с виконтом де Жероном, который вышел из высокой полу-круглой двери, как раз размышляла о последних, поэтому застыла, как вкопанная, со взглядом преступницы, которую застигли врасплох.

– Леди Гриндфолд? – удивился де Жерон, потирая подбородок. – Разве вы не в этой вашей... Нефритовой пещере?

– Как видите, нет, виконт! – задыхаясь от злости, сообщила я. – Или вы забыли, что его высочество приказал изолировать Дилариона?!

– Я никогда и ни о чем не забываю, – сообщил виконт, хмурия брови. – Особенно, если это приказ его высочества. И особенно, если приказ назначен мне.

– Вам? Как вы могли! – невпопад выпалила я, отчего виконт удивленно моргнул и посмотрел на меня, словно перед ним постоялец из дома буйных.

Я обернулась на Рамину, которая присела в книксене и не смеет поднять глаза на виконта. Но по пылающим щекам и чуть шевелящимся губам понятно, повторяет каждое слово, чтобы передать потом слугам и этой самой мистрис Одли, о которой говорит чаще, чем о своих обязанностях.

– Иди, найди Альре, Рамина, – попросила я камеристку. – И сообщи, что об управлении замком мы поговорим с ним после обеда.

Камеристка присела еще ниже, и, хоть на лице самая благообразная из всех масок, я кожей почувствовала волну досады, что исходит от девушки.

– Ты что-то хотела, Рамина? – поинтересовалась я под пристальным взглядом виконта. Та, по-прежнему не поднимая глаз, пробормотала слова извинения и удалилась.

– Где Диларион? – спросила я виконта, стоило камеристке скрыться из виду. – Что вы с ним сделали?!

– С вашим питомцем все в порядке, – сообщил де Жерон.

Мне не понравился его несколько неуверенный тон, отчего спросила более решительно, чем следовало:

– Вы, должно быть, забыли о своем обещании, что могу взять Дилариона с собой, и что с ним ничего не случится, и вообще, большой беды не будет, потому что магического питомца нельзя назвать магией в чистом виде?! Вы обещали! Вы сами сказали, что мне лишь надо прятать его!

– Я никогда и ни о чем не забываю, миледи, – процедил виконт, растягивая слова. – Должно быть, это у вас проблемы с памятью. Да, я разрешил вам взять с собой нетопыря. Но я говорил, его надо прятать. А прятать, леди, это немного не то, чем занимался ваш Диларион на пристани, когда жег напавших на вас караварцев!

– Ах, вот как? – возмутилась я. – Теперь я виновата в том, что на нас напали? Или Диларион, в том, что бросился защищать меня, а не прятаться в шляпной коробке?

Виконт сдул со лба выбившуюся прядь и процедил холодно.

– Возможно.

– Что... – пролепетала я. – Что вы сказали?!

– Что слышали, миледи, – отчеканил он. – Каждый из законов Черной Пустоши оправдан. Каждый закон, каждое правило, каждая традиция этой земли написаны кровью, Элизабет. Человеческой кровью. И если есть запрет на магию, настолько суровый, что за него карают смертью, может, не стоило поить нетопыря кровью, готовясь к высадке на берег, зная, что кровь, употребленная магическим существом, способствует резкому выбросу магической энергии?!

Я захлопала ресницами, закусив губу. От неожиданности и справедливости обвинений пропустила мимо ушей чересчур глубокую осведомленность виконта в магических реалиях.

– Я... Я... Это не я, это кок, Морской Бык, он хотел порадовать дракончика... – проговорила я сбивчиво. – Я виновата, я не доглядела... Но я была не в себе. Это путешествие, призрак, бессонная ночь, я готовилась к высадке на берег и была такая рассеянная...

– Ваша рассеянность обходится слишком дорого, леди, – сообщил виконт. – Может, пример с вашим же нетопырем чему-нибудь вас научит.

Я покачулась, но виконт не сдвинулся с места, чтобы поддержать меня, пришлось облокотиться о мраморную колонну.

– Виконт, – чувствуя, что голос дрожит от слез, пробормотала я. – Я чувствую, Диларион там, за дверью... Ему страшно... И мне страшно, виконт. Пожалуйста, уговорите принца помиловать его, прошу вас! Неужели у вас нет ни капли сострадания ко мне?

Чертыхнувшись, виконт развернулся и скрылся за дверью, из которой вышел несколько минут назад, оставив меня в одиночестве.

Я зажала ладонью рот, чтобы никто не услышал моих рыданий, стараясь не думать о том, что вот-вот лишусь Дилариона, последнюю нить, соединяющую с Авароном, королевством, ставшем мне родиной.

Мимо прошли две горничные в длинных черных платьях с белоснежными манжетами и передниками, в накрахмаленных чепцах. Одна из девушек несет щетки для пыли, другая сложенную в несколько раз ткань. Увидев меня, обе присели в приветствии и склонили головы, прежде, чем двинуться дальше. Несмотря на то, что застали невесту принца в слезах, их лица остались отстраненными и подобострастными.

Наконец, дверь снова открылась, на этот раз выпустив виконта.

Увидев в его руках шляпную коробку, я не смогла сдержать возглас облегчения, а рыдания возобновились с утроенной силой.

Из закрывающейся двери послышался глухой, едва различимый стон, но я решила, что это несмазаные петли или сквозняк.

Виконт протянул мне коробку, хмурия лоб. Вид при этом у него был взволнованный.

– Возьмите вашего питомца, леди, – сказал он почти с неприязнью. – Он безопасен.

Я приоткрыла крышку, и, увидев умильную мордочку дракончика, который посмотрел на меня сонными глазками-бусинками, всхлипнула.

– Вы сделали это, виконт! – выдохнула я, не сдерживая радости. – Вы уговорили принца! Спасибо! Спасибо вам огромное!

Виконт поморщился, словно благодарность ему в тягость.

– Не стоит, леди, – сказал он. – Благодарить следует не меня, а его высочество.

Я рванулась было к двери, под влиянием чувств забыв о нормах этикета, но виконт грубо остановил меня, дернув за руку.

Я осталась стоять на месте, часто моргая.

– Могу я лично поблагодарить принца? – спросила я после паузы, осторожно высвобождая руку.

Виконт покачал головой.

– Нет, миледи. Он итак слишком задержался из-за вас. Вам следует вернуться в свои покои. С вашим драконом.

– Мне нужно прятать Дилариона? – прижимая к груди коробку, спросила я.

Виконт скривился, словно каждый новый вопрос дается ему нелегко.

– Нет, миледи, – ответил он. – Его итак видело много народу на пристани. Да и слава о том, что новая леди Черной Пустоши маг, опередила ваше появление. Раз питомец столь дорог вам, принц дал позволение брать его с собой. Но свежую кровь нетопырь должен получать только с позволения принца, в его покоях.

– Хорошо, я на все согласна, – сообщила я виконту.

– И, вот еще, – сказал виконт, протягивая мне длинные черные перчатки из тонкой ткани. – Носите это всегда, когда покидаете дворец. А это и вовсе не снимайте. Никогда.

С этими словами виконт развернул меня спиной и щелкнул застежкой сзади.

Подняв руку к шее, я нащупала пальцами круглый медальон, а в следующий миг с трудом устояла на ногах. В глазах потемнело, на плечи словно взгромоздили скалу, ноги стали ватными.

– Блокировка магии, – прошептала я, оседая на руки виконту.

Тот терпеливо ждал, пока я привыкну к новому состоянию и приду в себя. Через несколько минут все прошло, но легкое головокружение осталось, как и непривычная тяжесть в теле. Я чувствовала себя, как на корабле, когда сорочка леди Вивьен Ру истощила мои магические силы.

– Терпите, леди, – бесстрастно сказал де Жерон. – Пока вы не привыкли обходиться без магии, вам стоит носить это.

– Конечно, – пролепетала я. – Я согласна чтить все традиции Черной Пустоши, лишь бы у меня не забирали дракончика...

Заметив, что силы возвращаются ко мне, виконт помог встать ровно.

– Вам стоит вернуться в свои покои и отдохнуть какое-то время, пока не привыкли, – сказал он.

Я ожидала, что де Жерон вызовется проводить меня, или хотя бы помочь дойти до покоев, но он остался неподвижен, как статуя. Когда подняла на него глаза, взгляд виконта стал холодным, бесстрастным, и отчего-то осуждающим.

Преодолевая непривычную усталость, я присела в книксене и тихо произнесла:

– Я не забуду вам этого, виконт.

– Я всегда к вашим услугам, леди Черной Пустоши, – ответили мне.

Глава 2

– Вам лучше, леди? – спросила мистрис Одли и сменила компресс у меня на лобу.

Моей старшей камеристкой оказалась невысокая женщина с живым лицом. Пышный чепец на голове Оры, так представилась мистрис Одли, подчеркивает строгую, волосок к волоску, прическу. Наряд точь-в-точь, как у Рамины и остальных камеристок. Их точное количество все время вылетает из головы от слабости, и от того, что девушки постоянно передвигаются по покоем, не задерживаясь подолгу на одном месте.

Все в длинных черных платьях, с белоснежными воротниками до самого подбородка и кружевных чепцах, в меру чопорные и в меру услужливые. Под строгим взглядом Оры они то и дело, приседают в полупоклоне, старательно сдерживая усмешки и любопытство. Невольно вспомнился замок в Авароне с его внутренними устоями.

– Бенара бы одобрила железную руку мистрис Одли, – пробормотала я так, чтобы никто не слышал.

Старшая камеристка, Ора Одли – единственная, кто без труда выделяется из общей массы. Во-первых, в силу возраста, а во-вторых, пояс мистрис Одли не белоснежный, как у остальных, а красный.

– Все же вам следует отлежаться леди, – поджимая губы, сказала мистрис она, когда я попыталась привстать, чтобы взять с тумбочки стакан. – Что бы там ни было, это явно терпит отлагательства. А невесте его высочества надлежит беречь силы.

Ора щелкнула пальцами и тут же одна из девушек подхватила высокий стакан и вложила мне в руку, а две других заботливо придержали подушки, чтобы удобней было сидеть. Стоило вернуть стакан присевшей в книксене служанке, как меня тут же уложили обратно на низкую софу в гостиной.

От удивления вместо благодарности я пролепетала, обращаясь к старшей камеристке:

– У вас случайно сестры в Авароне нету?

Мистрис Одли нахмурила тонкие брови, и я поспешила проговорить:

– Я хотела сказать, спасибо за заботу.

Раздался мелодичный звон. Я уже знала, что такой звук получается, когда стучат медным молоточком по небольшому колоколу, которые висят у каждого покоев.

Одна из девушек, повинувшись знаку мистрис Одли, подошла к двери и открыла ее.

Не взирая на попытки мистрис Одли остановить меня, я стянула со лба мокрый компресс и вернула его в ванночку с прохладной ароматной водой. Когда Альре зашел в гостиную и церемонно поклонился, я уже сидела на софе, сложив ладони на коленях.

– Как миледи себя чувствует? – поинтересовался он с той учтивостью, с какой даже Бенара не смогла бы.

Я сделала вдох и ответила, стараясь выглядеть, как принцесса, но все равно казалось, что даже камеристки смотрят на меня с жалостью:

– Все в порядке, Альре. Я просто немного устала.

– Если вы уверены, что ваше самочувствие не вызывает беспокойства, предлагаю продолжить осмотр владений, – проговорил управляющий. – Но только если вы не чувствуете недомогания.

Все тело казалось чугунным, словно меня до краев залили расплавленным металлом, слабость расплзлась от груди, где висит медальон и норовит бездвигнуть. Но, чтобы не выглядеть изнеженной матроной из Аварона, где все делают с помощью магии и не снисходят до работы руками, я произнесла:

– Альре, ведите меня... куда считаете нужным. Я готова осматривать замок. Ведь это моя первостепенная обязанность. Верно?

Дворецкий сдержанно кивнул, уголки губ чуть дрогнули, и мне показалось, управляющий одобряет мое рвение. Но мистрис Одли вышла вперед и посмотрела на Альре таким взглядом, что тот должен был провалиться на первый этаж. Однако, управляющий, видимо, привык к старшей камеристке, оставшись невозмутим и спокойным.

– Уважаемый господин Альре, полагаю, имел ввиду, – произнесла мистрис Одли, – что леди может отправиться на осмотр, когда почувствует себя полностью хорошо. Я права?

Дворецкий остался неподвижен, как скала. Лицо бесстрастное и умиротворенное, неглубокие морщины на щеках и возле носа в сочетании со смотрящим в никуда взглядом сделали его еще больше похожим на выходца из другого мира, где нет понятия об эмоциях.

Показалось, что Альре и мистрис Одли знакомы очень давно, но из-за слабости голова работала плохо, и я не стала вдаваться в тонкости взаимоотношений местной прислуги. Чтобы не накалять обстановку, все же поднялась, хотя казалось еще немного, и плюхнусь обратно на диван совсем не как леди.

Я проговорила:

– Мистрис Одли, я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы продолжить осмотр. Ведь я будущая жена Черно... его высочества Карла Сварта. А значит, на первое место должна ставить интересы других, а не свои. Но, если можно, Альре... Хотелось бы осмотреть сады или что-то еще на улице. Свежий воздух мне сейчас не повредит.

Мистрис Одли бросила на дворецкого строгий взгляд. Тот все также безмятежен и спокоен, но я успела заметить, как в глазах мелькнули победные искры. Он с одобрением посмотрел на меня и провел рукой в приглашающем жесте.

– Разумеется, леди. Осмелюсь предложить вам начать прогулку с сада, где его светлость выращивает растения, которые смогли бы прижиться в почве Черной Пустоши.

– С удовольствием, – ответила я.

Мы двинулись в сторону коридора. Едва отошли на несколько шагов, из-за спины донесся голос старшей камеристки, и на секунду показалось, что это не мистрис Одли, а Бенара, неожиданно оказавшаяся в замке Черного Принца.

– Господин Альре, – проговорила она вслед, – вы головой отвечаете за состояние леди Гриндфолд.

Дворецкий даже не обернулся, лишь коротко кивнул и произнес, глядя перед собой:

– Разумеется.

Мы прошли по коридорам и извилистым лабиринтам, спустились по широкой лестнице и направились через зал в сторону двери, украшенной витиеватыми узорами.

Дворецкий двигался неспешно, словно нарочно подстраивается под мое состояние, замедлялся, когда отставала, или вообще останавливался, рассказывая о картинах и гобеленах, которых по всему замку огромное множество.

Наконец зал кончился, и управляющий широким жестом распахнул передо мной двери. На секунду я прищурилась, ослепнув от яркого света, а когда зрение вернулось, застыла в немом восторге.

В первый день Альре показывал выход к саду, который я все равно не запомнила, но сейчас это был совершенно другой сад. Пышные деревья высотой до второго этажа с ярко-зеленой кроной, фрукты на ветках, поспевающие до того, что едва не лопаются от сока. Вместо земли сплошной ковер травы, на котором пушистыми шапками лежат кусты насыщенно-синего цвета. Каждая веточка усыпана гроздьями жемчужин.

– Что... это? – только и смогла вымолвить я, запоздало проверяя рот, который у будущей принцессы не должен быть открытым.

Альре, явно довольный произведенным эффектом, произнес:

– Это "Сад возрождения". Так его называет милорд. Или, извиняюсь, вы имели ввиду что-то конкретное?

Слова застряли во рту, хотелось спросить обо всем, но не показаться глупой гусыней, которая не знает, что такое "Сад возрождения". Сделав вдох, я постаралась собрать разбежавшиеся мысли, и сказала:

– Спасибо. Честно признаться, такую растительность я вижу впервые, поэтому готова выслушать все, что сочтете нужным. Например, очень интересно, эм... Что это за жемчуг на кустах?

Всегда спокойный дворецкий не смог сдержать улыбки, его взгляд перешел на синие кусты, щедро украшенные перламутровыми гроздьями, и произнес:

– Если миледи позволит, это не жемчуг. Хотя кое в чем вы правы. Это куррант дисектум. Особый вид ягод, из которых изготавливают целебные настои. Их свойства так удивительны, что компресс из такого настоя за ночь затягивает серьезные раны.

Я неотрывно смотрела на мерцающие ягоды и думала, какими они должны быть на вкус, если выглядят, как настоящая драгоценность. Потом неожиданно для себя спросила:

– Значит, виконта лечили именно этими ягодами, когда он принес меня в замок? Он ведь был сильно ранен.

Лишь закончив фразу поняла, что сказала не то, но дворецкий, воспитанный лучше, чем сама Бенара, сделал вид, что не заметил и произнес, глядя куда-то вдаль:

– Совершенно верно, миледи. Настой готовится долго и трудно. С десяти кустов получается всего одна маленькая бутылка. Поэтому ценность его в разы больше даже слитка золота. Но, несмотря на великолепный вид ягод и чудодейственные свойства, есть их в свежем виде я бы не рекомендовал.

– Почему? – спросила я и снова подумала, что слишком нетерпелива для будущей принцессы.

Альре снова пропустил мою простоватость и сказал:

– Ягоды очень кислые и терпкие. Хотя это, конечно, на любителя.

Я с сожалением окинула взглядом перламутровые гроздья, которые словно манят, чтобы к ним прикоснулись, но трогать ягоды не стала, рассудив, что итак проявила предостаточно несдержанности перед управляющим.

– Позвольте пройти дальше, принцес... – произнес Альре, запнувшись, но тут же исправился: – леди Гриндфорд.

Я смущенно потупилась и кивнула, готовая следовать за ним, а Альре счел необходимым пояснить:

– Вскоре все здесь будут обращаться к вам, не иначе, как "ваша светлость", "ваше высочество" и "принцесса", я же называю вас мысленно именно так и только так с первого момента, как увидел.

– Благодарю, Альре, – смущенно пробормотала я.

– Не стоит, леди, – сказал управляющий и тепло улыбнулся, от чего вокруг глаз пролегли лучики морщин, озаряя его открытое немолодое лицо. – Жизнь научила меня разбираться в людях. А вы – именно та принцесса, которую Черная Пустошь так долго ждала.

Я не нашлась, что ответить на такую откровенность и снова кивнула, на этот раз присев в книксене. Тяжесть в груди стала немного легче, налитые свинцом и ватой руки и ноги показались чуть менее непослушными, а в глазах непростительно защипало.

Альре снова устремился вперед по аккуратной, выложенной цветной мозаикой алее, и я поспешила за ним, стараясь охватить взглядом все растения, что встречаются по пути.

Мы миновали пышные, похожие на кудри, кусты с россыпью нежно-голубых плодов, напоминающих по форме клубнику, и Альре пояснил, что для выведения растения, из кото-

рого получают затягивающий раны порошок, его высочество лично ездил в далекую экспедицию в Потерянные Земли.

Заметив недоумение на моем лице, Альре пояснил:

– Потерянные Земли не сказка, миледи. Просто не каждый способен найти их, а также пересечь границу. Да и тамошнее население славится крайней жестокостью и непримиримостью к чужакам.

– Зачем же его высочество подвергал риску свою жизнь? – удивилась я. – Эти кустики, конечно, невероятно милы, и ветки трепещут на ветру, словно кудри ребенка, но все же...

Альре постарался скрыть усмешку и продолжил объяснение:

– Потерянные земли расположены на особых тектонических плитах... Тектонические плиты, миледи, это...

– Я знаю, что такое тектонические плиты, Альре, я читала о них в книгах по географии, – перебила я, подумав при этом, что хорошо бы почитать географические фолианты побольше и повнимательнее.

– Так вот, порода тектонических плит Потерянных Земель щедро сдобрена алхикамом, миледи. Именно поэтому многие растения, произрастающие там, обладают чудотворной силой. Порошок, который мы получаем, растирая эти плоды специальным способом, обладает свойством мгновенно затягивать раны, не оставляя даже следов на коже. Попробуйте, принцесса, сами, и подивитесь твердости этих плодов.

Я кивнула, и осторожно дотронулась до растения. Зеленые листья мягкие, словно локоны младенца, а маленькие голубые плоды твердые, как алмазы.

– Как это возможно? – восхищенно воскликнула я и хлопнула в ладоши. – Это же так интересно! Нам не рассказывали о таком в аваронской школе...

– Маги решают возникающие сложности иначе, леди, – подтвердил Альре. – Но волшебство не везде доступно. Здесь же, особенно до воцарения Черного дома, постоянно шли военные действия, и люди часто калечились и умирали от мучительных ран. Когда его высочество добился устойчивости Черной Пустоши, он лично организовал экспедицию за этими и другими лекарственными растениями, и наша смертность резко сократилась.

Словно не замечая моих широко распахнутых глаз и приоткрытых от изумления губ, Альре повел меня дальше, попутно рассказывая о гигантских, в несколько обхватов, буковых деревьях и нежной поросли мха, который располагается в специальных мраморных чашах. О розовых и сиреневых кустах, о белых, как снег, низкорослых деревьях.

Когда шагнули под сень кудрявого вьюнка, чьи побеги тянутся по натянутым веревкам, Альре остановился и пояснил:

– Побеги этого винограда доставлены с гор Эльфари, миледи. Его высочество лично занимается выведением этих растений, добываясь, чтобы виноград, привыкший к горной местности, мог комфортно расти и в низинах, как здесь.

– Это из этого винограда производят то самое ледяное вино? – с видом знатока спросила я, демонстрируя осведомленность.

– Именно, миледи, ледяное вино, – с почтением согласился Альре, а я запоздало подумала, что не стоило бравировать своими знаниями, по крайней мере в этой области.

В голове всплыл образ виконта, который рассказывал на корабле об эльфарском гористом винограде, а затем заявил, что мне совсем нельзя пить. Даже в мыслях виконту вновь удалось испортить мне настроение, и я вежливо попросила Альре следовать дальше.

Мы прошли тенистую виноградную алею насквозь. Я несколько раз соблазнялась, чтобы потрогать изумрудные листья и нежно-зеленые побеги, которые тянутся по светлым столбам вверх.

Заметив мой интерес, Альре сообщил:

– Когда виноград приспособляется к низинному климату, его перевозят в Августовские виноградники, где и высаживают.

– Как же, я слышала, – сообщила я. – Августовские виноградники славятся тем, что там круглый год солнце! Говорят, что такое название они получили в честь одной из многочисленных древних легенд, которыми богата Черная Пустошь. О прекрасной нагой деве, сбежавшей от жестокого сюзерена, или о деве с роскошными, длинными волосами... Правда?

Альре снова кивнул, улыбаясь, и лукаво проговорил:

– Может, правда, миледи, а может и нет.

Он по-мальчишески подмигнул и добавил:

– А может, такое название виноградникам его высочество дал в честь покойной королевы Августы. И вы совершенно правы, миледи. Там круглый год солнце и самый мягкий климат во всем королевстве.

Чем дальше шли, тем больше и интереснее Альре рассказывал о саде, растениях, умело вставляя ремарки о его высочестве, и спустя пару часов сердце перестало сжиматься в страхе при упоминании о Черном принце.

Когда из-за очередного зеленого угла показалась Рамина и присела в книксене, потупившись, я чуть не застонала от досады.

– Меня послала мистрис Одли, господин Альре. Закат близится, – протянула она многозначительно. – И это будет первый закат леди в Черной Пустоши. Леди следует подготовить к Ритуальному Омовению в священных водах.

Увидев Рамину, я едва удержалась, чтобы не поморщиться. Обычно я легко находила общий язык с людьми, даже с теми, кто открыто высказывал недовольство мной или моим поведением. Но Рамина вызывала такую смесь ощущений, что хотелось развернуться и уйти в самые высокие горы.

Выдержав паузу, чтобы прислуга, наконец, вспомнила, кто здесь невеста, я наклонилась к сочным листьям, которыми покрыт куст, и сказала:

– Рамина, мы с Альре еще не закончили осмотр сада. Или в Черной Пустоши принято, чтобы прислуга нарушала правила этикета и перерывала господ?

Младшая камеристка явно не ожидала такого ответа. Глаза округлились, рот раскрылся, а подбородок задрожал, словно сейчас разразится рыданиями. На секунду показалось, что я была слишком резка с девушкой, которая лишь выполняет приказ старших. Но покосившись на Альре, поняла, что не сделала ничего дурного, поскольку тот улыбается одними уголками губ, хотя делает вид, что усиленно рассматривает виноградину перед носом.

Я продолжала с ожиданием смотреть на камеристку. Та, видимо поняв, что дрожащий подбородок не сработал, быстро присела в глубоком поклоне и опустила голову.

– Простите меня, миледи. Я не хотела быть бестактной. Смирненно умоляю смиловаться надо мной и не наказывать меня розгами. Умоляю, миледи, я не вынесу ударов. Прошу, сжалитесь!

Она говорила так отчаянно, что я ощутила себя чудовищем, отправляющим на войну малых детей. Меня никогда не били, но видя, как затряслись плечи Рамины, поняла, что не всем так повезло, и слугам Черной Пустоши приходится терпеть побои и унижения.

Сердце сжалось. Я едва удержалась, чтобы не кинуться к камеристке и не поднять ее. Но вовремя сдержалась и проговорила, сделав шаг вперед:

– Рамина, я не собиралась тебя наказывать. Святое воинство, Альре, неужели здесь действительно слуг бьют розгами?

Лицо дворецкого вновь стало непроницаемым, он выпрямил спину и произнес монотонно:

– В Черной Пустоши есть законы, выполнять которые неукоснительное правило каждого подданного его светлости. Если кто-то совершает провинность, достойную наказания, господа имеют право совершить его в той мере, в какой считают нужной.

– Но это дикарство! – вырвалось у меня. – Засечь прислугу розгами? Это уму не постижимо. Неужели Черный принц это одобряет?

Управляющий покосился на меня, чуть нахмурил брови, но ответил все так же спокойно и учтиво, благоразумно пропустив то, как я назвала будущего мужа:

– Законы Пустоши справедливы, миледи. Когда вы изучите их и разберетесь, вы поймете, что в них нет ничего предосудительного. Лишь справедливость и мудрость, основанная на многолетнем опыте.

Но меня уже захлестнула волна возмущения за несправедливо страдающих слуг, которым приходится терпеть побои за малейшую провинность и дрожать, как осиновый куст на ветру.

– Хороша справедливость, – проговорила я. – Теперь я понимаю, почему у принца такое громкоговорящее имя. Идем, Рамина, совершим это ваше... Омовение.

Альре спокойно, словно наблюдает за плавающими лебедями в пруду, поинтересовался:

– Миледи изволит окончить осмотр?

– Да, – согласилась я. – На сегодня достаточно. Продолжим, когда уверюсь, что все мои камеристки в добром здравии.

С этими словами я приподняла подол, чтобы не волочился по траве, и двинулась через сад. Рамина тут же оказалась справа, и я мысленно поблагодарила ее потому, что самостоятельно выбраться из зарослей сада, а потом найти правильный коридор в замке, не смогла бы.

Слабость от нового украшения на шее понемногу проходила, хотя ощущение, что связана по рукам и ногам все еще давило. Но внутри полыхало праведное возмущение и желание добиться справедливости. И хотя легкое чувство стыда перед Альре зудело в районе живота, решимость высказать все Черному принцу в лицо толкала вперед.

Но когда мы двинулись через массивные анфилады, на которых изображены сцены боев, мой запал немного остыл. А когда по бокам пошли величественные колонны, рядом с которыми ощутила себя букашкой, стало не по себе потому, что человек, сумевший выстроить такое, должен быть могущественным и грозным.

Спорить с ним о правилах поведения постепенно расхотелось. На смену гневу пришел страх перед суровым правителем, который вскоре станет мужем.

Погрузившись в размышления, не заметила, как мы пришли к моим покоям.

Рамина всю дорогу смиренно молчала и лишь когда распахнула передо мной дверь, произнесла кротко:

– Прошу миледи. Вам нужно подготовиться.

Девушки, которые ожидали в покоях, быстро помогли раздеться и пройти в омывальную, потому что, по словам мистрис Одли, нельзя входить в священные воды Съакса нечистой.

Меня наскоро ополоснули и вытерли жестким полотенцем, растерев тело докрасна, рассказывая попутно, что главная река Черной Пустоши Съакс берет начало в Звездном море, и безбашенные смельчаки, которые рискуют опуститься на дно, невзирая на течение, нередко находят на дне куски драгоценных розовых кораллов.

Когда сказала, что Черная Пустошь вопреки названию, кажется довольно богатым краем, мистрис Одли скорбно поджала губы, а одна из девушек, что насухо протирала мои стопы, подняла голову пояснила:

– Была, миледи, была... Одним из самых величайших и богатых королевств, пока...

Девушка запнулась и часто заморгала под пристальным взглядом мистрис Одли и приступила к растиранию моих ног с утроенным рвением.

Другая, которая повернулась к стенному шкафу за рубахой и видеть взгляда мистрис Одли не могла, прошептала:

– Только с прибытием его высочества наш народ смог вздохнуть спокойно... Пока еще не полной грудью, миледи, но все мы ждем, что его светлость Сварт принесет окончательный мир нашей земле.

– Олена, Кати, вы забываетесь, – хмуро заметила мистрис Одли, и больше девушки не проронили ни слова.

Я попыталась вернуть камеристок к интересному разговору и спросила:

– Вы говорили, этот Съакс глубок и опасен? Не могу похвастаться тем, что хорошо плаваю... без магии.

Стоило добавить последнюю фразу, как девушки отпрянули от меня, как от зачумленной, закрыв ладошками рты и беспомощно хлопая ресницами.

Мистрис Одли пришлось вновь цыкнуть на них и отчитать на незнакомом мне наречии.

– Вам не стоит опасаться, миледи, – сказала старшая камеристка. – Мы проводим вас в неглубокое и спокойное русло для омовения.

Чтобы уйти от темы, которой не хотела касаться, мистрис Одли принялась рассказывать о ритуале Омования, о его древности, истории, легендах, которыми изобилует Черная Пустошь и священные воды Съакса.

Поверх белоснежной рубахи из плотной ткани, которая оказалась такой длинной, что скрывает стопы, на меня накинули шерстяной плащ в пол из зеленой шерсти, с длинным, чуть не до земли, капюшоном. На руки – перчатки, те самые, которые передал виконт и которые сняла, когда вернулась из сада.

Когда одна из девушек, опустившись на колени, поставила передо мной мягкие, обитые изнутри шерстью, туфли на плоской подошве, я недоуменно взглянула на мистрис Одли.

– Что-то не так, миледи? – поинтересовалась камеристка тоном Бенары.

– Но чулки, – пробормотала я, и, покраснев, добавила: – И белье.

Девушки захихикали, тут же смолкнув под взглядом мистрис Одли, а та терпеливым тоном пояснила:

– Дочери Черной Пустоши не надевают белье во время сакральных ритуалов.

Я опешила и, несмотря на то, что кивнула, словно поняла, все же уточнила:

– Но как же идти в таком виде по улице к реке? Без белья?

Мистрис Одли посмотрела на меня словно на неразумного ребенка:

– Вы привыкнете, миледи. Смею заметить, что ваша рубаха и плащ так длинны, что никому и в голову не придет подумать что-то предосудительное. К тому же вас будет сопровождать двадцать шесть женщин.

– Двадцать шесть? – ахнула я. – И это все мои камеристки?

Мистрис Одли снисходительно улыбнулась.

– Лучшие женщины Черной Пустоши. Самые знатные и почтенные леди, жены и вдовы уважаемых воинов и придворных. Если ваше любопытство утолено, поспешим.

Я хмуро кивнула и последовала за мистрис Одли с девушками, которые растирали мне стопы и помогали облачаться. Следом пошла Рамина, которая несет длинный объемный сверток, прикрытый тканью.

Коридоры замка с огромными залами, анфиладами и лестницами уже не казались пугающе-незнакомыми, но все же чувствовала, что долго еще не решусь бродить здесь в одиночестве. Стоило выйти из замка через парадный вход, через который вошла сюда впервые, женщины, облаченные в длинные, разлетающиеся на ветру, черно-белые одежды, почтительно присели в поклонах и склонили головы.

Я заметила, что волосы у всех распущены, как и у меня, и наши наряды отличаются лишь цветом: мой плащ зеленый, а их – белые, с длинными черными рукавами и продольными вставками на спине.

Медленным, торжественным шагом мы проследовали к воротам мимо низкорослого кустарника. Несмотря на то, что было еще светло, круглые светильники на тонких ножках, торчащие прямо из зеленой изгороди, начали едва различимо мерцать. Это добавило моему и без того торжественному настрою ощущение значительности и важности происходящего.

Я ожидала что мы поедем в экипажах, но вместо этого наша процессия прошествовала по довольно людной улице. Я старалась не глазеть по сторонам и не вертеть головой, разглядывая местные диковины, но не могла не слышать восторженных криков, которыми сопровождала нас толпа:

- Леди идет!
- Дорогу леди!
- Леди Черной Пустоши идет к Съаксу!

Чтобы немного скрыть замешательство, я тихо попросила мистрис Одли, которая идет слева, рассказать еще немного о предстоящем ритуале.

Камеристка понимающе кивнула.

– Омование в священных водах символизирует, что все былое, и плохое, и хорошее, вы оставляете в прошлом, заново возрождаясь для Черной Пустоши, – торжественно сказала она.

– Зачем же смывать хорошее? – удивилась я.

– Добро и зло лишь грани одного целого, – наставительно произнесла мистрис Одли, и я поостереглась задавать вопросы.

Миновав длинную и широкую улицу и еще несколько маленьких, мы, наконец, прошли через селение и вышли на берег Съакса.

По виду русло реки не отличалось ничем от других таких же, которых несравненное множество в восточной части Аварона. Но атмосфера, созданная стараниями местных жителей на берегу, погружала в нечто торжественное и таинственное, как бывает, когда впервые посещаешь молеальный дом.

Вдоль берега стройными рядами тянутся многочисленные курганы и невысокие статуи в цветочных гирляндах. Некоторые фигуры с улыбками, иные оскаленные, с гневно расширенными ноздрями и глазами. Хотелось остановиться, разглядеть поближе, но не решилась, чтобы не нарушать хода ритуала.

Стоило подойти к берегу, как с моих плеч сняли плащ. Прохладный вечерний ветерок облизал открывшиеся кисти и шею. Я оглянулась и увидела, что Рамина раздает каждой из женщин по длинному тонкому факелу и помогает его зажечь.

– Снимайте туфли и войдите в священные воды, миледи, – сказала мистрис Одли вполголоса. – Глядя на убывающее солнце трижды окунитесь с головой и попросите Черную Пустошь быть милостивой. Первый раз к людям самой Черной Пустоши. Второй – к членам вашей семьи. И в третий – к вам самой.

– Но как именно просить? – решила я уточнить, но старшая камеристка не ответила и даже подтолкнула ближе к воде.

– Вам подскажет сердце, миледи, – донеслось мне тихое в спину.

Стоило оказаться без обуви на мокром песке, по телу прокатился озноб, а когда ледяные воды омыли ноги до щиколоток, поморщилась от страха и холода.

Я боялась лишним движением выдать свою нервозность и нарушить важный ритуал, поэтому, крепко зажмурившись, и стараясь не мешкать, зашла глубже.

Когда ледяные потоки поднялись до груди я задохнулась и вспомнила, что надлежит смотреть на заходящее солнце.

Уставившись на ало-багровый шар, который вот-вот соприкоснется с макушками леса на горизонте, я сообразила, что можно приступать к погружению под воду с головой.

– Дорогая Черная Пустошь, – тихо, дрожащим от холода голосом, произнесла я. – Будь милостива к людям, населяющим твои земли, и помоги мне, научи меня, направь, как лучше заботиться о них.

Произнеся это, я крепко зажмурилась, набрала воздуха в легкие и погрузилась под воду.

Стоило окунуться с головой, как холод куда-то исчез, а вместо него пришло ощущение чего-то цельного и правильного.

Я вынырнула и показалось, что багровый шар заходящего солнца излучает какое-то особое тепло, которое проникает прямо в сердце.

– Будь благосклонна к членам моей семьи, пожалуйста, – попросила я срывающимся от волнения голосом. – Их у меня не так много осталось...

Я нырнула, и когда вынырнула, заходящее солнце погрузилось за горизонт уже наполовину.

– Помилуй и меня, Черная Пустошь! – выпалила я на одном дыхании, отчаянно желая застать солнце в третий раз, что показалось очень важным.

Но когда вынырнула вновь, солнце успело сесть. Тут же вернулся жгучий холод, пробирающий до костей озноб, а еще показалось, что меня сносит течением.

Я развернулась и стараясь не бежать, вышла на берег. Тут же меня завесили широким полотном, стянули мокрую рубашку, натянули другую такую же, но сухую и укутали плащом.

Стоило солнцу скрыться, как тотчас на мир обрушились сумерки, и факелы в руках окружающих меня женщин оказались весьма кстати.

Обратно мы шли не в пример быстрее, в полном молчании, и даже на вечерних улицах было тихо. Но стоило приблизиться к замковым воротам, как раздались гневные крики и ругань, точно кричат целой толпой.

Стоило завернуть за угол, моим глазам предстала следующая картина: толпа человек в сорок тащит в сторону дворца человека, освещая путь факелами. Лица людей искажает злоба и ненависть, отовсюду раздается:

– Смерть!

– Смерть!

– Смерть предателю!

Глава 3

Меня мигом обступили и загородили с такой быстротой, что не успела понять, как перед носом оказалась чья-то укрытая капюшоном голова. В первую секунду обуяла благодарность за готовность незнакомых людей защищать меня, но голоса и крики мигом вернули в реальность.

– Что там происходит? – спросила я, вставая на полупальцы, чтобы разглядеть, но получилось лишь увидеть головы пробегающих мимо людей.

Мистрис Одли, которая вынырнула из ниоткуда справа, проговорила:

– Не беспокойтесь, леди. Все будет в порядке.

– Но кого отправляют на смерть? – не унималась я, чувствуя, что на улице происходит что-то страшное и несправедливое.

Старшая камеристка выглянула из-под капюшона строго, словно наставница, и многозначительно промолчала. Но я вытаращила глаза и замахала руками, всем видом показывая, что жду ответа.

Брови мистрис Одли сдвинулись на переносице, она поправила плащ на плечах и легонько стукнула по плечу одной из женщин. Та повернула голову, хотя сама осталась неподвижна, и я смогла разглядеть лишь острый подбородок. А камеристка приказала:

– Проверь, что там.

Женщина коротко кивнула и как-то незаметно исчезла среди толпы.

Река криков и шума потекла вниз по улице, а мистрис Одли тихо хлопнула в ладоши, и весь мой конвой двинулся вперед.

В груди появилось такое же ощущение, как в момент, когда дядя сообщил, что выдаст за Черного принца, а волна обиды и беспомощности прокатилась от пяток до самой макушки. Я резко остановилась. Идущие позади женщины едва не налетели на меня и теперь виновато опускают головы, пытаются присесть в поклонах.

Я развернулась к старшей камеристке и произнесла:

– Мы разве неждемся посылную с вестями?

Мистрис Одли вытаращила глаза, словно я только что прилюдно ее оскорбила.

– Но миледи, – сказала она, – мы можем дожидаться ее у вас в покоях. В безопасности и удобстве, что и положено невесте его светлости.

– Но если те люди совершают беззаконие, – продолжила настаивать я, – мы можем помочь. Но как помочь, если мы будем в замке? Даже если посылная расскажет все в самых ярких подробностях, мы можем просто опоздать.

– Миледи не следует вмешиваться в подобные дела, тем более на улице, – строго сказала мистрис Одли.

В голове пронеслось множество вариантов с картинками того, что происходит у тех людей, но ни одна не понравилась. Чувство справедливого возмущения второй раз за день вспыхнуло в груди, а старшая камеристка неожиданно стала раздражать больше Бенары.

В глубине души я понимала, в чем-то она права, и мне не следует лезть в дела королевства, в котором понимаю еще так мало, но игнорировать ощущения не могла. А истинное чутье буквально кричало о чем-то дурном и жестоком.

Я выпрямила спину и подняв подбородок, как это подобает высокородной леди, произнесла:

– Мистрис Одли, мыждемся посылную. Но не в замке, а здесь потому, что я хочу иметь возможность помочь, если будет нужно. И впредь прошу подбирать слова в разговоре с будущей принцессой.

Камеристка охнула и отшатнулась, выпучив глаза, как жаба, которой наступили на брюхо. Пару секунд она просто тарасилась на меня, потом склонила голову и сказала четко:

– Прошу простить меня, миледи, если позволила думать, что намереваюсь оскорбить вас. Я лишь забочусь о вашей безопасности и благополучии.

– У вас это получается, – ответила я, – но...

Договорить не успела. Посыльная, которая возникла так же неожиданно, как и исчезла, шагнула в круг из женщин и присела в глубоком поклоне.

– Миледи, – обратилась она ко мне, игнорируя мистрис Одли. – Я узнала все для вас. Шум на улице из-за мага.

– Мага? – переспросила я и в груди екнуло.

Женщина кивнула.

– Да, – подтвердила она. – Маг, который прибыл из Авроры. Его собираются казнить.

Внутри все упало, во рту пересохло. Сама мысль о казни мага, человека, который отдаленно напоминает об Авароне и всём, что люблю, вызвала головокружение. Несмотря на то, что даже не знакома с ним, ощутила, что чувствуют люди из одного королевства, когда встречаются на чужбине.

Меня повело в сторону, но две женщины поддержали под локти, не давая упасть, а мистрис Одли встревоженно спросила:

– О, миледи, что с вами? Вы в порядке? Святое воинство, Лана, ты могла быть тактичнее!

Она метнула в посыльную гневный взгляд, и та опустила голову.

– Тебя придется наказать, – добавила старшая камеристка.

– Нет! – резко выкрикнула я быстрее, чем успела сообразить. – Никто никого наказывать не будет. Она выполняла приказ и все сделала правильно. Лана, верно? Так вот, скажи, Лана, когда собираются казнить этого мага?

Девушка, явна обрадованная, что чудесным образом избавилась от наказания, присела в книксене и проговорила, опустив голову:

– Казнь состоится немедленно. На площади Трех фонтанов.

Ледяная лапа еще сильнее сжала внутренности. Я бросила быстрый взгляд на мистрис Одли, которая смотрит на происходящее с явным неодобрением и плохо скрываемым возмущением, и сказала:

– Тогда мы идем на площадь, – решительно сказала я и хлопнула в ладоши, как это делала камеристка.

Сопровождение из женщин колыхнулось и двинулось вверх по улице.

Мне хотелось бежать, подобрав подол, но статус и толпа чопорных женщин вокруг заставляли соблюдать приличия даже в такой страшный момент.

– Миледи, – неуверенно пробормотала мистрис Одли, но я гневно оборвала ее.

– Достаточно! – ледяным, не терпящим возражений тоном, воскликнула я, а затем, уже мягче, уточнила: – Как пройти на эту площадь? Площадь Трех фонтанов?

С этими словами я выхватила длинный факел из руки одной из женщин, и подняла его высоко над головой, точно флаг во время торжественного шествия.

– Миледи, – с плохо скрываемым отчаянием выдохнула мистрис Одли, но я снова перебила старшую камеристку.

– Мы теряем время!

– Нам лучше обойти слева, через городской парк, – тихо произнесла мистрис Одли, и девушки закивали.

Когда оглянулась на остальных женщин, заметила, что все хмурят брови и поджимают губы.

– Я никого не держу, – быстро сказала им. – Кто хочет – волен вернуться домой, ритуал закончен, и вас никто не заставляет...

– Мы идем с вами. Все, – властно заявила невысокая коренастая женщина, и чуть махнула факелом, указывая дорогу. Она многозначительно нахмурила брови и добавила: – Правильно вы поступаете или нет не нам судить. Отныне вы леди Черной Пустоши и наш долг сопровождать вас.

– Тогда быстрее! – воскликнула я и первая устремила в указанном направлении, едва не срываясь на бег.

Меня обогнула камеристка, та самая Лана, поднимая факел и освещая дорогу. Черный капюшон девушки откинулся за спину, ветер растрепал пшеничные кудри за спиной. Стоило ринуться следом, как, к изумлению, меня с легкостью обогнала мистрис Одли. Степенная, зрелая женщина передвигалась по улицам города едва не быстрее лани.

На какое-то время перестук легкой поступи, шуршания плащей и сбившееся дыхание нашей процессии заглушил кровожадные крики толпы. Но едва миновали темный, почти не освещенный фонарями парк, как крики возобновились с новой силой.

– Проклятый изменник!

– За сколько ты продался Караваре?!

– Предатель!

– Смерть предателю!

– Смерть! Смерть! Смерть!

Мы с Раминой вырвались вперед и первыми подбежали к людям, столпившимся у помоста. Я передала факел Рамине, которая, запыхавшись, пыталась поддержать меня под локоть, словно стеклянную, и принялась высвобождать себе проход локтями. Но удар чьим-то плечом отбросил назад, и если бы не Рамина, я бы упала.

Подоспевшая мистрис Одли пробормотала что-то на неизвестном наречии, судя по тону, ругательство, а затем перевела дыхание и властно крикнула:

– Леди Черной Пустоши!

Казалось, ее звонкий и не слишком громкий голос услышал каждый. Кровожадные крики стихли, сменившись суетливым шепотом и восклицаниями.

– Леди?

– Леди здесь?

– Леди Черной Пустоши!

– Дорогу леди Черной Пустоши!

Словно по волшебству толпа расступилась передо мной, как воды Звездного моря в древней легенде, и я побежала к высокому деревянному помосту.

Грубые разноцветные доски говорят, что помост сколотили наскоро. Прямо на них, вокруг высокого столба, сложены бревна и хворост. Только подойдя совсем близко, поняла, что к столбу привязан человек, которого из-за грязной, оборванной одежды различила не сразу. Лицо же несчастного надежно скрывает кровавая корка.

– Леди Черной Пустоши здесь для того, чтобы лично совершить правосудие! – проорал мне прямо в ухо какой-то человек и вложил в ладонь факел.

Я отшатнулась, но осталась стоять на ногах благодаря Лане и мистрис Одли, которые заботливо поддержали под локти. Лану тут же оттеснила Рамина, она и же и гаркнула в лицо человеку:

– Что себе позволяешь, смерд! Леди сама прекрасно знает, для чего она здесь!

– Вершить правосудие – долг леди! – запальчиво ответил человек, и толпа подхватила его слова страшным ревом.

– Долг! Долг! Долг! – понеслось со всех сторон.

Я сунула Рамине свой факел и поднесла пальцы к ушам, опасаясь, что оглохну или сойду с ума.

– Тихо! – приказала мистрис Одли, и толпа мало-помалу стихла.

Я подобрала полы плаща и шагнула на помост. Сразу несколько рук помогли мне подняться.

Оказавшись вровень с привязанным к столбу человеком, я протянула руку за факелом и выбрала один из заботливо протянутых. Осторожно, опасаясь причинить лишние страдания несчастному, я осветила его лицо и ахнула. Черное от крови, с опухшими, заплывшими веками и рассеченной губой оказалось лицо молодого человека, даже юного, едва ли старше нас с Нинель.

Веки мужчины дрогнули, и он с видимым трудом приоткрыл один глаз.

– Я уже в Чертогах, на Звезде? – пробормотал он. – В небесной обители магов? И меня встречает юная, прекрасная пери, которая отдастся мне по всем правилам, прямо под сводом небесных врат?

– Не сегодня, – хмуро сообщила я юноше. – Я бы не спешила на вашем месте на Звезду. Туда мы всегда успеем.

– Мы? – хрипло переспросил юноша, и голова его, безвольно мотнувшись, упала на грудь.

– Мы, уважаемый, – сухо ответила я. – Потому что я тоже маг. За что эти люди хотят вас казнить?

Маг с усилием поднял голову и пробормотал:

– Преследовали. С самой Авроры. Нагнали вот... Я виноват, леди. Виновен. Но и невинен. Меня обманули. Подставили.

Не обращая внимания на тут же возникшую резь в глазах, я посмотрела на ауру мага истинным зрением и увидела боль, страх, ужас, вину.... Но лжи не было среди этого страшного сочетания.

Я обернулась к толпе и подняла факел над головой.

Взволновавшаяся за время, пока говорила с магом, толпа тут же стихла.

– Этот человек не умрет сегодня, – твердо сказала я. – Его будут судить.

Толпа взревела сотней голосов, а когда утихла, я различила один-единственный.

– Что здесь, Дэйви Джонс меня дерит, происходит?!

Шум моментально стих. Я оглянулась, подняв факел повыше и замерла. Внизу у самого помоста стоит виконт де Жерон и не отрывая глаз, смотрит на меня. В суматохе приготовлений, ритуалов и забот я успела забыть о нем, и сейчас смешанные чувства нахлынули волной.

Затянутые на затылке волосы серебрятся в свете факелов, металлические щитки на груди и плечах блестят так же холодно, как и его глаза. До меня медленно дошло, что военное облачение виконта связано с его прибытием из мест, где сейчас неспокойно, хотя момент его отъезда я пропустила. Теперь он сурово взирает на меня, а я разрываюсь от противоречивых чувств.

Выждав еще мгновение, виконт взлетел на помост, словно к его плечам привязаны веревочки, а сверху за них кто-то дергает. В полной тишине он приблизился ко мне и застыл, как гора с ледяными глазами.

Мистрис Одли начала объяснять:

– Леди Гриндфорд желает...

– Я обращаюсь не к вам, мистрис Одли, – резко оборвал он ее, не сводя с меня взгляда, в котором прочитала такое напряжение, что едва не отшатнулась.

Старшая камеристка поджала губы и поспешно присела в поклоне. Рамина и Лана как-то быстро оказались за ее спиной, видимо тоже опасаясь навлечь на себя гнев де Жерона. Лишь я оставалась на месте, выдерживая молчаливую ярость виконта.

Медленно он перевел взгляд на привязанного к столбу приговоренного, потом на меня, затем на толпу.

– Народ Черной Пустоши, – произнес от так громко, что я вздрогнула, – как поверенный его светлости, я имею право регулировать подобные собрания. Но для этого нужно знать, что происходит. Кто-то может внятно поведать о случившемся?

Толпа снова загалдела. Пока она гомонила, я приблизилась к виконту и спросила торопливо, стараясь для остальных выглядеть невозмутимой:

– Что вы делаете, виконт?

Он ответил, повернув лишь голову:

– Пытаюсь вытащить вас из нехорошей ситуации.

– Какой еще ситуации? – возмутилась я, хотя мне действительно было не по себе. – У меня все под контролем.

Де Жерон хмуро усмехнулся.

– Да уж. Вижу, – сказал он.

Из толпы вышел мужик с широкими плечами, в красной рубахе и сапогах до самых колен. Волосы на висках выбриты, зато от самого лба по середине головы заплетена черная коса.

Он остановился перед помостом и проговорил зычно:

– Господин, мы изловили этого гада! Он предатель!

Виконт кивнул, мол, слушаю, продолжай. Мужик, воодушевленный тем, что сам поверенный Черного принца дозволил ему говорить, стал рассказывать дальше:

– Он из Авроры, сказывают, убег. И схоронился в Городе-крепости. Но мы выследили его, ваше, эээ... м...

Кто-то за его спиной шепнул громко:

– Милордство.

Мужик просиял от подсказки.

– Ага. Ваше милордство, – сказал он. – Он давай бежать, а мы по всем улицам гоняться. Долго гонялись. Он же маг, ваше милордство. Но изловили, на славу изловили.

Виконт выслушал сумбурную речь мужика и стал потирать подбородок. Со стороны казалось, что он погружен в глубокие раздумья о высоком, и лишь мне видно, что он постоянно косится то на меня, то на приговоренного, словно прикидывает пути к отступлению.

Выдержав драматическую паузу, виконт сложил руки на груди и сказал:

– Вы все славно потрудились и за это боги наградят вас. Но чтобы отправлять человека на костер, нужно, чтобы вина его была тяжелой. Насколько это правда? Мы справедливое королевство и славимся этим. Поведайте, в чем виноват этот беглец?

Мужик глупо выпучил глаза и проговорил, почесывая затылок:

– Так это, ваше милордство... Он маг.

Толпа снова взревела, выкрикивая наперебой, что приговоренный маг, его надо казнить, повесить, четвертовать. Виконт дал им некоторое время прокричаться, а я, пользуясь возможностью, спросила его:

– Чего вы добиваетесь? Хотите казнить несчастного?

– Этот несчастный маг, – заметил де Жерон сурово.

– Я тоже, – ответила я резко. – Меня тоже надо привязать к столбу?

Виконт оглянулся так быстро, что я отступила. Челюсти сжаты так, что играют желваки, глаза выпучены, ноздри раздуты, как у разъяренного быка. Показалось, он сейчас меня ударит при целой толпе подданных, но де Жерон вновь обернулся к народу и вскинул ладони.

– Тихо! – крикнул он, и толпа постепенно перестала галдеть. – То, что он маг, еще не делает его преступником.

Мужик с косой по всей голове охнул и проговорил:

– Да как же это, ваше милордство! Он же в Авроре колдовал, как последний паскуда. А в Город-крепость прятаться прибег.

Виконт медленно повернулся, успев скользнуть по мне взглядом, полным тревоги и гнева. Затем шагнул к привязанному на столбе магу и проговорил:

– Этот человек обвиняет тебя в страшном преступлении. Сознаешься и ты, что совершил его?

Маг поднял на него запекшееся от крови лицо и попытался что-то сказать, но вместо слов вылетели хрипы. Он закашлялся, и на помост полетели кровавые капли. Несколько попали на нагрудные щитки виконта, но тот остался неподвижен.

Когда маг снова попытался заговорить, в его глотке что-то заклокотало, потом голова бессильно повисла, а дыхание превратилось в сипы.

Я не выдержала и крикнула:

– Приговоренный не в состоянии говорить! Он слишком слаб от побоев и ран!

– Добить его, и дело с концом! – донеслось из толпы.

– Да! Прикончить!

– Убить мага!

Я послала виконту умоляющий взгляд, чувствуя, как внутри все затряслось от осознания, что может случиться с человеком, во многом так похожим на меня. Видимо, это отразилось на моем лице, потому что де Жерон выпрямил спину и вернулся на середину платформы.

– Тихо! – снова приказал он и толпа замолчала. – Если этот человек виновен, его непременно ждет казнь. Вы все знаете, как справедлив его светлость Карл Сварт. Любого, кто совершил преступление, ждет неминуемое наказание. Но если маг не совершал того, в чем его обвиняют, мы отправим на костер невинную душу. Кто готов после смерти предстать с таким грехом в Священных Чертогах? Что вы скажете богам?

Народ притих. Видимо каждый прикидывал, насколько тяжелы его прегрешения, чтобы взвалить на плечи еще и этот. А виконт, пользуясь всеобщим замешательством продолжил:

– Мы оставим этого человека в темнице до возвращения его светлости. И тогда будет принято единственно верное решение, самим Карлом Свартом, защитником и мудрым правителем Города-крепости и всей Черной Пустоши! Слава принцу!

Народ секунду молчал. Затем улицы сотряслись от гвалта голосов, которые славили Черного принца, его правление, его мудрость, силу и желали плодородных всходов, что видимо относилось и ко мне.

Виконт сделал какие-то жесты. Несколько стражников стащили приговоренного со столба и повели по улице в сторону замка, где, по словам Альре, в подвалах находятся темницы.

Я бросилась к виконту и хотела схватить за руки, не зная, как благодарить, но холодный взгляд де Жерона остудил мой пыл и заставил соблюдать приличия.

– Виконт, не могу выразить, как я благодарна вам за спасение этого пленника, – проговорила я так тихо, что только он мог слышать.

– Пока не за что благодарить, – отозвался он сухо. – Его невиновность, как и вина еще не доказаны.

– Он невиновен, я точно знаю, – попыталась оправдать я мага.

Виконт поморщился.

– А я не знаю, – сказал он. – Как и остальные жители Черной Пустоши. А вы могли наворотить такого, что пришлось бы разбираться самому принцу. Он итак будет вынужден потратить на это время.

Мне стало горько и обидно, как на корабле, когда власть виконта распространялась на каждое мое действие. Я раскрыла рот, чтобы достойно ответить де Жерону, но тот опередил и обратился к старшей камеристке:

– Мистрис Одли, сопроводите леди Гриндфолд в ее покои. Она многое пережила за день. Ей следует отдохнуть.

Камеристка расплылась в довольной улыбке, как кошка, наконец поймавшая мышь и присела в глубоком поклоне.

– Сию минуту, милорд, – проговорила она.

Глава 4

Виконт легко спрыгнул с помоста, словно большой дикий кот, который, несмотря на тяжесть и мощь сложения, приземляется бесшумно и сразу на лапы. Я ожидала что он протянет руку, чтобы помочь мне сойти, но он даже не обернулся.

Я слотнула, наблюдая, как посеребрённый луной хвост, падающий на широкие плечи, скрывается в толпе и только потом увидела несколько протянутых снизу рук.

Спрыгнув, я неловко подвернула ногу и ахнула от боли и неожиданности.

Рамина тут же обвила рукой талию, за что я благодарно улыбнулась девушке. Лана приобняла с другой стороны, подставляя плечо.

Я мягко отвела руки девушек, не желая ковылять на глазах у будущих подданных, как калека, и камеристки осторожно отступили, не сводя с меня глаз.

– Дорогу леди! – крикнула мистрис Одли, и толпа, словно очнувшись ото сна, шарахнулась в стороны.

Я осторожно ступила на поврежденную ногу и тут же ахнула, проседая, когда щиколотку пронзило болью.

Рамина с Ланой тут же подхватили меня под локти, как солдаты с отличной выправкой. Так, зажата между камеристками, я и вошла в замок, а затем принялась подниматься по бесконечной лестнице в собственные покои.

Боль в лодыжке полностью погружала в настоящий момент, почти не позволяя отвлекаться на досужие мысли о несчастном маге из Авроры, виконте, который поспел вовремя, и, по своему обыкновению, не преминул унижить, а также о том, что в первый день пребывания в новом доме я умудрилась попасть в переделку.

Показалось, прошла целая вечность, прежде, чем очутилась в покоях, но стоило дверям сомкнуться за спиной, я отодвинула от себя руки девушек и, стиснув зубы, на одной ноге запрыгала в сторону омывальной.

– Что собирается делать миледи? – спросила мистрис Одли, к которой вернулась прежняя невозмутимая деловитость.

– Хочу смыть с себя все воспоминания об этом дне, – заявила я, чувствуя, как меня начинает знобить, – и распарить поврежденную ногу не помешает.

С этими словами я раздраженно стянула перчатки и бросила их прямо на пол. Рамина тут же присела и подняла их. Озноб уменьшился, а слабость чуть отступила.

Мистрис Одли нахмурилась и произнесла категоричным тоном:

– Ни в коем случае, миледи.

– Ни в коем случае, миледи! – стройным мелодичным хором поддержали ее девушки.

– Это еще почему? – удивилась я.

– После вхождения в священные воды Съакса вам нельзя касаться воды до восхода солнца.

Я застонала, стараясь не высказать вслух все, что думаю о местных ритуалах. Но все же быстро взяла себя в руки и запрыгала по направлению к опочивальне.

– Я надеюсь, омовение на восходе предстоит совершать не в водах Съакса? – попыталась я пошутить, – мне кажется, я выкупалась там более, чем достаточно.

Девушки заахали, не оценив шутки, а лицо у мистрис Одли стало таким виноватым, что я, опираясь о стену, застонала на этот раз в голос.

– Вы хотите сказать, что... – протянула я, а мистрис Одли развела руками.

– Таковы традиции Черной Пустоши, леди, – пояснила она, словно оправдываясь. – На восходе вам надлежит снова попросить благословения Черной Пустоши.

Словно не видя выражения моего лица, камеристка услужливо перечислила:

– Для всех страждущих, миледи, и для тех, кто в пути, и для тех, кого одолели недуги...

– Почему бы вам не предупредить меня заранее, – пробормотала я. – Я бы попросила благоденствия для всех разом....

– Но миледи, – начала мистрис Одли, но я раздраженно махнула на камеристку, вынуждая ту замолчать.

– Все-все. На сегодня все, – решительно заявила я и попрыгала к своему ложу.

Камеристки, и старшая, и младшие, устремились за мной, как выводок цыплят за курицей-наседкой.

Отвергнув помощь, я кое-как забралась на ложе и, когда уселась поудобнее, попросила:

– Будьте добры, подайте ужин прямо сюда. Но сначала теплой воды с медом и лимоном.

Очень хочется пить...

Лица девушек вытянулись, мистрис Одли отвела взгляд, а Рамина принялась ковырять носком туфли пол.

– Меня еще и не покормят? – уточнила я тоном, не предвещавшим никому ничего хорошего.

– Традиции Черной Пустоши таковы, что вам надлежит соблюдать пост до следующего омовения в водах... – сказала старшая камеристка.

– Съакса, – усталым тоном закончила я за мистрис Одли.

Та смиренно кивнула и, следуя ее примеру, закивали все девушки, приседая в книксенах.

Я скрипнула зубами, чтобы не сказать, что действительно думаю о местных традициях, когда вошла Лана, и, выйдя вперед, присела в глубоком книксене.

– Может ли лекарь войти и осмотреть вашу ногу, миледи? – спросила Лана, не поднимая глаз.

Я поджала ноги к себе, обтягивая подол рубашки, и осторожно выставила вперед поврежденную ступню. Лодыжка распухла и покраснела, но истинным зрением серьезных повреждений не заметила. Если бы была в Авароне, нога пришла бы в норму по щелчку пальцев. Но учитывая, что здесь магия под запретом, а на восходе вновь предстоит шествие к Съаксу, поняла, что следует довериться местному лекарю.

– Конечно, он может войти, – сказала я Лане, которая ожидала моего ответа в книксене.

Прежде чем впустить лекаря, меня укутали в несколько покрывал, замотав чуть не до бровей, так, что открытыми остались лишь злополучная лодыжка и кисти рук.

Лекарь, который оказался высоким сухощавым мужчиной с вытянутым, чуть лошадиным лицом, бегло осмотрел лодыжку и важно изрек:

– Вывих.

Я сдержанно кивнула, чуть было не сообщив, что итак знаю, что вывих, когда Рамина вышла вперед и, присев, затараторила:

– Для нас нет ничего важнее, чем здоровье миледи. Здоровье миледи – это благоденствие всей Черной Пустоши. Немедленно и как можно быстрее поставьте нашу леди на ноги, а не то...

Я поморщилась, но к счастью, мистрис Одли быстро отправила Рамину за спину, наградив таким взглядом, что та осеклась на полуслове.

Тоном истинной скорбящей со Смутного переулка Аварона мистрис Одли произнесла:

– Можно ли спасти миледи, господин Вискольд?

Лекарь вскинул брови и с плохо скрываемым превосходством в голосе процедил:

– Я постараюсь сделать все от меня зависящее...

Я закатила глаза, а камеристки забегали вокруг, ахая и причитая, выполняя наказы лекаря – открыть окно и впустить свежий воздух в опочивальню, зажечь благовонные куриль-

ницы с ароматом лаванды и иланг-иланга, чтобы очистить пространство, а также разбрызгать в воздухе несколько капель розового эфирного масла.

После таких советов по лечению вывихнутой лодыжки я ожидала от лекаря чего угодно. Но, к моему облегчению, он споро наложил компресс, который на глазах снял отек и насухо растер ногу фланелевой тряпицей, щедро посыпанной голубоватой пудрой.

Когда я осторожно пошевелила пальцами, брови подскочили на лоб от удивления, если бы не видела манипулирующий лекаря, решила бы, что меня вылечили магией.

Господин Вискольд по-мальчишески подмигнул мне и прошептал:

– Вся эта суета для этих ваших наседок, миледи. Женщины Черной Пустоши суеверны, им нужна особая атмосфера, чтобы преподнести чудо.

Я понимающе улыбнулась лекарю и, прежде, чем он покинул мои покои, попросила:

– Теперь вам следует оказать всю посильную помощь несчастному арестованному магу, господин Вискольд.

Брови лекаря тут же сошлись на переносице, он процедил:

– Магу, миледи? Ни за что.

– Вы спорите со мной, милорд? – уточнила я.

– Нет, что вы, – тут же замешкался господин Вискольд, – просто не понимаю вашего великодушия. Действия этого, как вы выразились, несчастного, едва не стоили жизнью всем нам, а вы ратуете за его лечение? Должно быть, я вас не так понял.

– Вы правильно меня поняли, господин Вискольд, – отчеканила я. – И это не ратование, а приказ. Думаю, вы знаете разницу. Я лично проверю состояние арестованного завтра и, если замечу, что вы сделали не все возможное, сообщу об этом своему будущему мужу.

– Его высочество не осудит меня за то, что отказался лечить мага, – оторопело хлопая глазами, сказал лекарь.

– Но когда узнает, что вы не выполнили приказ его невесты, вряд ли будет доволен, – с нажимом сказала я.

После этих слов лекарь, склонившись в поклоне, произнес:

– Как будет угодно вашей милости.

– Мистрис Одли, – позвала я камеристку, которая итак не сводила с меня глаз. – Я хочу, чтобы вы лично проследили, чтобы заключенного разместили в человеческих условиях, и чтобы до суда он ни в чем не нуждался.

– Миледи, – прошептала та с обреченным выражением лица.

– После можете быть свободны, – отрезала я. – Остальные могут отдыхать уже сейчас.

Не дожидаясь пока девушки скроются за дверью, я откинулась на подушки, которые знакомо пискнули под моим весом.

Из-под них выбрался выпавшийся дракончик и умильно причмокнул, перебираясь мне на грудь. Посмотрев на меня осуждающе, мол, почему так долго оставила меня одного, Диларион свернулся на груди клубочком, как самая обычная кошка, и сонно засопел. Под мерное пыхтение дракончика веки сами собой сомкнулись и навалилась темнота.

Сон был глубоким, но беспокойным. Снилось, как мага, которого тащат к помосту, где должно произойти сожжение, избивают палками. Я пытаюсь его защитить, но толпа с лицами господина Вискольда не пускает меня к несчастному. Они кричат, потрясают кулаками, и лишь с появлением Дилариона, который неожиданно стал огромным могучим драконом, изрыгающим пламя, толпа отдает мага...

Проснулась от того, что кто-то настойчиво лижет мне щеку и недовольно ворчит. Когда открыла глаза, строгая мордочка дракончика застыла у самого носа. Пришлось скосить глаза, чтобы его разглядеть.

– И тебе доброе утро, – проговорила я, а Диларион, увидев, что хозяйка проснулась, принялся скакать по одеялу, как белка.

От внезапного пробуждения я ощутила себя уставшей и разбитой, клонило в сон. Но едва вновь прикрыла глаза, скрипнула дверь в комнате прислуги, и бодрый голос Рамины сообщил:

– Доброе утро, миледи. Как миледи спалось? Миледи желает, чтобы подали наряд к постели? Или предпочитает сама пройти к гардеробной? Остальные камеристки еще в пути, но я, ваша верная помощница, уже на месте.

От ее вопросов голова загудела. Мысли плавают, как увязшие в киселе мухи, а сон накатывает плотной волной. Перевернувшись на бок, я натянула одеяло на голову и пробормотала из-под него:

– Рамина, не шуми так. Я не выспалась. Хочу еще поспать...

– Но как же это... миледи? – раздался удивленный голос камеристки. – Вам следует завершить ритуал Омования. Нельзя вот так бросать его на половине пути. Боги могут разгневаться и наслать беду на Черную Пустошь. Все невесты правителей Пустоши совершали этот обряд. История гласит, что невеста Его величества пресветлого Уртварта Красного, да будет светел его дух в Священных Чертогах, совершила омование даже когда на Пустошь опустилась лютая стужа. Она...

Снова скрипнула дверь, и я возблагодарила богов за этот скрип потому, что пламенная речь Рамины прервалась, а я смогла урвать пару секунд блаженной дремы. Но она завершилась в тот момент, когда покои заполнил голос мистрис Одли, раздающей приказы камеристкам. Те, видимо, вошли следом, и топот десятков каблучков затопил комнату.

Я все еще лежала под одеялом, чувствуя, как по мне топчется дракончик. Когда он грозно зашипел, послышался возмущенный вздох, затем возле постели раздался голос старшей камеристки.

– Миледи Гриндфолд, доброе утро. Мы прибыли, чтобы помочь вам облачиться и сопроводить для завершения обряда Омования.

В голове мелькнула мысль прикинуться спящей, но потом поняла, что мистрис Одли это не остановит. Откинув одеяло, я села и потеряла глаза. Когда взглянула на камеристку, у той вид стал довольный и торжественный, словно я не мыться на речку иду, а уже выхожу замуж.

– Как ваша нога, миледи? – поинтересовалась она участливо.

Я успела забыть о том, что подвернула ее прошлым вечером. Осторожно опустив стопы на пол, попробовала наступить. К моему удивлению боль совершенно исчезла, отек спал, и нога вновь работает, как прежде.

– Странно... – проговорила я, разглядывая пальцы на ногах.

– Что у миледи вызвало замешательство? – спросила мистрис Одли, одновременно знаками раздавая указания слугам. Те носятся по комнате, ныряют в гардеробную, вытаскивают ширмы и одежды.

Я, пошевелив пальцами ног, ответила вопросом на вопрос:

– Господин Вискольд точно не маг?

Камеристка охнула, будто я только что оскорбила достопочтенного лекаря самым грязным ругательством семи королевств. Сделав глубокий вдох, она проговорила:

– Смею вас заверить, миледи Гриндфолд, уважаемый господин Вискольд не имеет ни малейшего отношения ни к магии, ни к чему-либо другому, хотя бы отдаленно напоминающему ее.

Сказала она это таким тоном, что показалось, имеет претензии к моей принадлежности к сословию магов, но не смеет говорить об этом вслух. Чтобы не нагнетать обстановку, которая итак не слишком веселая во всей Черной Пустоши, я сделала вид, что не заметила настроения камеристки.

Едва я поднялась, служанки налетели на меня, как рой пчел, с гомоном и какими-то песнопениями, принялись облачать в ритуальную сорочку, такую же, как вчера, но с круглым

вырезом в середине спины. Расчесывали мне волосы, совали руки в перчатки, словно я беспомощная кукла и сама не справлюсь с такой простой задачей.

Спустя минут двадцать я стояла в середине покоев, полностью одетая для завершения ритуала, смысла которого до сих пор не поняла.

Диларион смотрел на меня с явным недовольством, по-собачьи сидя на одеяле. Дракончику определенно не нравилось скопление кудахчущих камеристок, не нравилось мое облачение, на которое он шипит так же, как на мистрис Одли. Не нравилась и сама мистрис Одли, но, судя по выражению лица камеристки, эти чувства были взаимными.

Я послала ему виноватый взгляд, мол, ничего не поделать, теперь мы живем тут. Диларион фыркнул и демонстративно прошагал на другую сторону кровати, где развалился на подушке и сделал вид, что уснул. Но левый глаз время от времени открывается, выдавая невольный интерес к происходящему.

– Мы готовы? – спросила я мистрис Одли даже не скрывая иронии. – Или нужно еще что-то? Например, намазать левый мизинец маслом лаванды или сплясать на одной ноге?

У той брови приподнялись, рот приоткрылся, а губы округлились, разгладив сетки морщин до самых щек.

– Откуда вы знаете о ритуале для улучшения плодовитости свиней? – спросила она с явным недоумением.

Я всплеснула руками и проговорила, направившись к дверям:

– Святое воинство... Пойдемте уже, завершим это купание в ледяной воде.

Камеристки не успели открыть передо мной двери, поэтому я распахнула их сама, чем вызвала перепуганные вздохи всего выводка. Спеша исправить ситуацию, они бегом догнали и обступили меня вокруг, как в первый раз. В таком же сопровождении мы вышли на улицу.

Небо еще бледное, воздух раннего утра холодный и сырой. Когда порыв ветра распахнул плащ и влетел под подол, по коже прокатился озноб потому, что панталоны вновь надеть не дали.

К моему облегчению, людей на улицах почти не было, и мы двигались быстро. Горожане встретились лишь пару раз. Первым оказался пекарь, который открывал лавку, наполняя улицы одуряющим запахом свежей выпечки. Голодная с прошлого вечера, я ощутила, как рот наполнился слюной, а в желудке протяжно заурчало.

Мои сопровождающие даже не оглянулись, когда мы проходили мимо лавки. Зато пекарь склонился в глубоком поклоне.

Второй стала маленькая девочка с рыжими косичками, которая сидит на огромной бочке и облизывает леденец. Она с любопытством провожала нас взглядом, а я думала о том, каким этот леденец должен быть вкусным.

Но больше всего мысли занимал маг, который, пока я нежусь в постели и совершаю непонятные ритуалы, вынужден сидеть в подземелье и ждать своей участи. Едва представила, как его вновь поведут к столбу, сердце сжалось, и я едва удержалась, чтобы не произнести боевое заклинание, которое позволит разрушить стену, отделяющую его от свободы. Но вовремя вспомнила о запрете и медальоне.

Ладонь механически дернулась к цепочке на шее. Мистрис Одли, которая идет справа, заметила, но, видимо, оценила этот жест по-своему и сказала:

– Мы почти пришли.

Вынырнув из размышлений, с удивлением обнаружила, что и впрямь спускаемся к реке.

Но в этот раз мы двигались к другому месту. Если в первый раз меня купали прямо в реке, то сейчас шли к тихой заводи, которая образовалась на внешнем крае излучины. Когда спустились ниже, оказались на маленьком песчаном берегу, окруженном раkitником и ивами. Природа естественным образом создала уютное место для купания, сокрытое от посторонних глаз.

По всей видимости, удивление отразилось на моем лице потому, что мистрис Одли проговорила с явным удовлетворением:

– Это заводь Смирения. Сюда приходили все невесты правителей Черной Пустоши и завершали ритуал Омования. Здесь вы обретете кротость, обуздаете недостойные леди порывы и желания.

– Очень интересно, – сказала я, стараясь улыбаться, хотя слова камеристки не понравились.

Он продолжила:

– Мы останемся здесь, в самом начале берега, чтобы не беспокоить вас. Вам же придется разоблачиться самостоятельно и войти в воды Сьякса. Там, как и вчера, следует совершить три погружения, моля богов в первый раз за страждущих, второй за тех, кто в пути и в третий, за тех, кого...

– Одолели недуги, – закончила я. – Вы повторяетесь, мистрис Одли. Я вчера прекрасно запомнила, что вы сказали.

Камеристка нахмурилась, а я молча и быстро скинула плащ. Затем ступила в воду. Ледяной холод обжег кожу и, по мере того, как шла вперед, поднимался выше. После ночи вода настыла и теперь кажется, что само небытие впивается в тело, вливается в вены и течет к сердцу.

От холода оно застучало с такой скоростью, что едва не пробило грудную клетку. Но я сцепила зубы и шла, пока не оказалась в воде по горло. Дыхание перехватило. Снова захотелось прочесть заклинание и избавиться от мук, на которые меня обрекают суеверные люди Черной Пустоши, но в последний момент удержалась.

Затем прошептала замерзшими губами:

– Светлые боги, даруйте благо страждущим.

Набрав воздуха, я нырнула. Ледяная вода сомкнулась над головой. Если вчера после погружения холод отступил, то сейчас он превратился в голодного монстра, который, как пожиратель магии, впился тысячами зубов в беззащитную кожу. По телу прокатилась волна озноба, и я выскочила на поверхность, хватая ртом воздух.

– Светлые боги... – выдохнула я, и изо рта вывалил клубок пара, – защитите всех, кто в пути...

И вновь нырнула. Холод стал сильнее, и пальцы ног онемели, а сердцебиение усилилось так, что перестала его замечать. Чтобы не околеть, я снова рванулась вверх.

– Светлые боги, – едва слышно проговорила я, – исцелите больных.

Меня дернуло в воду, словно я мигом потяжелела и превратилась в железную. Ледяная поверхность в третий раз сомкнулась над головой, а мне показалось, что я действительно утратила человеческую плоть и обрела другую, холодную, неподвижную и твердую. Настуженная вода больше не обжигала, мысли потекли медленно, словно тоже замерзли и окаменели. Каким-то задним умом я понимала, что конечности свело судорогой и всплыть не получится. Но шевелиться не было сил.

Перед глазами поплыли цветные круги и воздушные пузыри, которые я, видимо, выпускала изо рта. Когда готова была сомкнуть веки и забыться вечным сном, в толще воды возникло лицо девушки. Белое, с голубыми глазами, обрамленное таким же белым облаком волос.

Длинный сарафан колыхается в воде, иногда поднимаясь до самых колен и обнажая ноги, которые выглядят, как коровьи. С копытами и белой густой шерстью, которая шевелится в толще воды.

Она приблизилась ко мне и улыбнулась.

– Поплывать решила? – спросила она, не открывая рта.

Я ответить не смогла, а она продолжила:

– Сестра с Загрийких островов сказала, ты хороший маг. Только вода для тебя здесь холодная, давай-ка помогу выбраться.

С этими словами она ухватила меня за ноги и с силой вытолкнула наверх.

Воздух ворвался в легкие, как сама жизнь, которая наполняет собой каждую крупицу мира. Лицо обожгло ветром, но судороги прошли, и я в полубреду добралась до берега. Каменистки мигом обступили меня, стянули мокрую одежду, надели сухую, и укутали в плащ, подбитый овечьей шерстью.

Обратно шли медленно, но я ничего не замечала, думая лишь о том, что могла замерзнуть и утонуть из-за глупых ритуалов королевства, в котором предстоит жить. И если бы не сестра знакомой вилы, меня унесло бы течением, и я заняла бы четырнадцатое место в списке погибших невест принца.

– Я наведу порядок в ваших обрядах. – пробормотала я, стуча зубами.

– Миледи что-то сказала? – поинтересовалась мистрис Одли.

– Да, – снова пробормотала я. – Миледи сказала... Миледи еще скажет...

Глава 5

– Конечно, скажет. Еще как скажет, на то и миледи, чтобы сказать нам всем тут, – тут же затараторила Рамина, глядя на меня преданными, как у собаки, глазами.

Я кивнула девушке, и присела, чтобы невысокой Лане было сподручнее надеть мне на голову капюшон и закрепить его на мокрых волосах шпильками и завязками, не позволяя холодному ветру просочиться внутрь.

– Если леди благополучно завершила ритуал Омования, нам стоит вернуться, чтобы поспеть к утренней трапезе, – сказала мистрис Одли таким тоном, словно заминка произошла из-за меня одной.

Я послала мистрис Одли взгляд, которого обычно дожидалась Бенара, когда слишком усердствовала с наставлениями, и пробурчала:

– Такое ощущение, что вас тоже не кормили....

Брови мистрис Одли взметнулись на самый центр лба, а в глазах блеснуло осуждение.

– Естественно, – тоном оскорбленной невинности произнесла старшая камеристка. – Ни одна женщина Черной Пустоши не вкушала пищи после полудня и не вкусит, пока глашатай на площади не объявит, что ритуал Омования невесты его высочества завершен!

Я ошарашено захлопала ресницами и промямлила:

– Как... Как ни одна? Все, что ли?

От холода я икнула, и мистрис Одли с Раминой мягко потянули меня за руки, вынуждая следовать за ними. Старшая камеристка поведала:

– А как же, леди? Ведь это ритуал Омования! Один из самых важных для Черной Пустоши и для вас...

Я кивнула, изобразив на лице одну из самых благочестивых и смиренных масок, на которые всегда покупался дядюшка, и никогда Бенара, и осторожно поинтересовалась:

– А неважные ритуалы у вас есть?

Вопрос поставил почтенную старшую камеристку в тупик, но к счастью, она не заметила иронии, потому что наморщила лоб и принялась размышлять вслух.

– Разве что песнопения, призывающие волосы виться по ходу солнца, – пробормотала мистрис Одли. – Для этого юные девушки собираются до восхода, и повторяя слова древнего заклинания с особым ритмом, водят хороводы по ходу...

– По ходу солнца, – с видом знатока поддакнула я, а Рамина с Ланой подхватили тонкими голосами:

– Вейтесь, ве-ейтесь, завива-айтесь, развива-айтесь на ветру-у....

Я вздрогнула и заверила девушек, что прекрасно поняла смысл ритуала.

Мистрис Одли, словно не слыша меня, продолжала рассказ.

– Впрочем, нельзя считать этот ритуал неважным, ведь когда у женщины волосы вьются в нужном направлении, это привлекает достаток в дом!

Я захлопала ресницами, ожидая, что все девушки, а также сама мистрис Одли разразятся смехом, но веселья не последовало, и мне пришлось проглотить хихиканье.

– Получается, девушки, у которых волосы гладкие от природы – причина бедности семей? – все же не удержалась я.

– Что вы, миледи, нет, конечно, – затараторила Рамина, – просто девушки с гладкими волосами поют песню на свой лад...

– Спасибо, я поняла, – заверила я вмиг просиявшую от внимания камеристку, и облегченно вздохнула, когда обнаружила, что мы подходим к воротам замка.

Оказавшись в покоях, я позволила стянуть с себя рубашку. Ополоснуться после речной воды мне ожидаемо не дали, смиренно попросив потерпеть до вечера. Чувствуя, как живот сжимает от голода, словно я превратилась в жуткого пожирателя и охотника за магическими силами, я спорить не стала.

Когда с облачением в закрытое, но щедро расшитое жемчугом платье, под которое на этот раз позволили надеть белье и шерстяные чулки, было покончено, Диларион спикировал мне на плечо и, фыркнув, пыхнул в сторону хмурящей брови мистрис Одли серым облачком.

Лана, которую отправили узнать, где сервирован стол для "миледи", вернулась и сообщила, что завтрак ожидает там же, где и вчера, в личных покоях его высочества.

Я облегченно вздохнула, когда сопровождать к завтраку пришел Альре. Дракончик, увидев управляющего, завопил почище, чем при виде Морского Быка, и мне в голову тут же закрались подозрения.

– Альре, – осторожно начала я, когда мы вышли из покоев и пошли знакомыми коридорами к обеденному залу.

Управляющий лукаво улыбнулся и тихо произнес:

– Пока миледи совершали один из важнейших для Черной Пустоши ритуалов, ваш зверь остался один, голодный и забытый всеми...

– И вы распорядились, – тихо прошептала я.

– Как можно доверить кормить голодного дракона кому-то из ваших девушек? – спросил Альре. – Ни одна из них под страхом смерти не зашла бы в опочивальню, где спит голодное чудовище.

"Чудовище" на плече пискнуло, словно поняло, что речь о нем.

– Кроме, разве что, мистрис Одли, – задумчиво пробормотал Альре.

– Но мистрис Одли была со мной, поэтому, – произнесла я заговорщицким тоном.

– Поэтому пришлось взять опаснейшую миссию на себя, – закончил за меня Альре и снова мне подмигнул.

– Спасибо, Альре! – тепло поблагодарила я управляющего, а дракончик довольно пискнул.

– Не стоит, принцесса, – ответил Альре и тут же исправился. – Миледи. Теперь во дворце обо мне говорят, как о самом смелом из всех укротителей опасных чудовищ. Девушки трепещут от благолепного восторга и затаенно вздыхают, слышав мое имя.

Альре говорил серьезным тоном, но лучики вокруг глаз выдавали с головой. Слушая, как складно и легко он говорит, я не смогла удержаться, чтобы не хихикнуть несколько раз, и по глазам управляющего видно было, что ему приятна моя реакция.

– Не сомневаюсь, что вы разбили не одно женское сердце, – улыбаясь, сказала я управляющему, стараясь попасть в тон.

Альре благодарно улыбнулся, но взгляд его отчего-то показался погрустневшим.

– Готов обменять все сердца в мире на одно-единственное, ни на какое другое не похожее, – сообщил он.

В груди все сжалось, а дыхание перехватило от любопытства. Судьба Альре, такого рассудительного, умного, и в меру смешливого, действительно интересовала меня. Но, к сожалению, Альре открыл передо мной украшенную лепниной дверь, и мы вошли во вчерашний обеденный зал, где, как и вчера, выстроились в ряд лакеи в черных ливреях и белоснежных перчатках.

– Прошу, миледи, – сказал Альре и добавил: – После завтрака вас ждет сюрприз.

– Сюрприз? – удивилась я. – Умоляю, не томите, достаточно с меня этих всех сюрпризов, и если мне предстоит еще какой-нибудь ритуал, лучше скажите заранее, чтобы я могла настроиться!

Альре кашлянул, прикрывая рот ладонью, и в этом коротком кашле мне послышался смех. И, хоть лица ожидающих меня лакеев оставались безукоризненно отстраненными, истинным чутьем уловила волны веселья, пошедшие при этих словах и от них.

– Нет, миледи, – быстро заверил меня Альре. – Пока ни о каких ритуалах мне не докладывали. Просто во дворец прибыла некая Мириам. Со слов юной леди я понял, что она дочь капитана того корабля, на котором вы прибыли сюда. И пришла она навестить не вас лично, а "дракончика", так она сказала.

– Мириам! – воскликнула я. – Да, я помню, я сама пригласила ее в гости!

– Юная леди видела вас утром, во время шествия, и согласно ее заверению, больше она "не в силах терпеть ни минуты", – сказал управляющий.

Я бросила голодный взгляд на безупречно накрытый стол и вновь обернулась к управляющему.

– В таком случае, передайте юной леди, что терпеть более нет необходимости. Мы с Диларионом будем счастливы, если она присоединится к нам за завтраком.

Альре отвесил короткий поклон и махнул одному из слуг, которые, как колонны, неподвижно стоят у выхода. Он быстро скользнул в дверь и, пока я рассматривала блюда на столе, где, к своей радости обнаружила сливовый пирог, какие делают в Авароне, вернулся. С ним прибыла маленькая девочка с рыжими косичками, та самая что сидела на бочке и ела леденец, пока я шествовала к реке.

– Вы леди Гриндфолд? Будущая жена нашего правителя? – спросила девочка с порога немного шепеляво.

Она посмотрела на меня огромными зелеными глазами. Ресницы запорхали, как крылья бабочки, рот раскрылся, обнажив отсутствие переднего зуба. Руки девочка увела за спину и стала ковырять пол носком сапога.

От умиления я чуть не выронила ложку, в которую успела набрать малиновый пудинг. Отложив прибор, я проговорила с улыбкой:

– Самой не верится, но это так. А ты Мириам?

– Да, – ответила девочка, все еще смущенно ковыряя пол.

– Тогда проходи и садись за стол, – сказала я. – Надеюсь, ты голодна. Потому, что мне одной не съесть все эти блюда. Альре, можно попросить принести еще приборы?

Дворецкий кивнул и бросил короткий взгляд куда-то в сторону, через пару мгновений рядом со столом оказался слуга с таким же невозмутимым лицом, как у Альре, и расставил приборы на одну персону.

Едва он исчез, девочка подошла к столу и вскарабкалась на стул, который оказался слишком высоким. Но когда уселась, между ней и столом образовалось слишком большое расстояние.

На помощь пришел Альре, который аккуратно подвинул стул с девочкой.

– Все ли удобно, леди? – поинтересовался он, чуть наклонившись к девочке.

Та смущенно заулыбалась, щеки покраснели, и она быстро закивала. Я же с интересом наблюдала, как дворецкий выдержанно, но одновременно ласково обращается с ребенком, и думала, что он мог заниматься воспитанием самого принца, пока тот был маленьким.

Управляющий отошел в сторону, и сразу показалось, что мы одни в обеденном зале.

– Что бы ты хотела попробовать? – спросила я.

– А что есть? – прямо спросила Мириам.

Я улыбнулась.

– Честно говоря, сама не знаю. Давай посмотрим.

Блюда расставляли на одного, поэтому все оказалось очень близко, чтобы дотянуться. Звать слуг я не стала, вместо этого сама снимала крышки и отложила в сторону. Обеденная моментально наполнилась запахами, от которых заурчало в животе. На столе оказалась

запеченная в яблоках и меду курица, порезанные овощи, приправленные маслом и посыпанные зеленью, запеканка. Какие-то крохотные булочки, которые оказались начинены вареньем и орешками, названий которым не знала. Клубничный морс, заварные пирожные и с детства любимый сливовый пирог.

Все это мы начали уплетать раньше, чем Альре успел подать знак лакеям положить салфетки нам на колени. После суток вынужденного голодания и купания в ледяных водах Съякса я готова была проглотить стол целиком, вместе со скатертью и деревянными ножками, забыв о том, что я леди, невеста и будущая принцесса. А Мириам, вероятно, вообще никогда не видела таких блюд и теперь старается попробовать каждое, чтобы потом рассказывать, как завтракала у самой леди Гриндфорд.

Когда справились с курицей и овощами, в животе приятно потяжелело, и мы принялись за запеканку. Когда девочка поднесла кусок ко рту, со стороны дверей раздался густой бас:

– Мириам! Черти дра... Святое воинство! Не смей убежать! Я тебя по всему замку ищу!

Я оглянулась и увидела лицо капитана Сэма с круглыми глазами и красными от бега щеками. Стража моментально выступила вперед, преграждая ему путь, но я проговорила быстро:

– Пропустите. Это мой друг.

Тяжелая поступь капитана Сэма словно перенесла меня на палубу, в самую середину Звездного моря. Пальцы непроизвольно вцепились в край стола потому, что показалось, он вот-вот уйдет в сторону из-за качки на корабле.

Пришлось помотать головой, чтобы отогнать наваждение. Когда перестала, увидела, как Мириам, часто хлопая ресницами, засовывает заварное пирожное в рот целиком.

– Вот ты где! – проорал капитан Сэм, замерев посреди обеденного зала, строго глядя на дочку.

Лица дворецких, и без того бесстрастные, приняли еще более отстраненное выражение, а тот, что стоит ближе к двери, поднял взгляд к потолку.

– Здравствуйте, уважаемый капитан Сэм, – сказала я, не поднимаясь, поскольку этикет разрешает леди продолжать сидеть, когда в комнату входит мужчина.

– И вам здравствовать, леди, – хмуро ответил капитан, словно только меня увидел. – Извините уж великодушно за недоразумение!

– Ничего, капитан Сэм, – ответила я и положила приборы на тарелку. – Сейчас не какая-нибудь официальная церемония, так что ваше вторжение вполне уместно.

Капитан моргнул, сглотнул и переспросил недоверчиво:

– Мое?

Я, в свою очередь хлопая ресницами, уточнила:

– Ваше.

– Но ведь это Мириам... Моя Мириам, леди, – пробормотал капитан, а девочка, старательно хлопая ресницами, словно специально подражала мне, затолкала в рот целиком еще одно пирожное. Она хотела отправить следом крошечную слойку с орехом, но в последний момент передумала и вложила сдобу в широко раскрытую пасть дракончика, который тут же умильно зачмокал.

– Мы уже познакомились с вашей Мириам, – сказала я, улыбаясь. – Надеюсь, вы не против, что я пригласила ее к завтраку? Просто так мило с ее стороны было навестить нас с Диларионом, и это единственное, что я могла сделать... Пользуясь случаем, хочу поблагодарить вас, за то, что отпустили дочь ко мне в гости.

– Отпустили? – пробормотал капитан Сэм и недоуменно почесал за ухом. – Вечно вы меня путаете, леди! Никто никого никуда не пускал! Мириам просто убежала, никого не спросив!

Я бросила взгляд на девочку, которая умильно сложила губки бантиком и показала глазами на блюдо с пирожными, вопросительно моргая. Сдерживая смех, я кивнула и уточнила у капитана Сэма:

– Если Мириам ни у кого не спросила разрешения, как вы узнали, где она?

После этих слов девочка с рыжими косичками тоже вопросительно уставилась на капитана Сэма, не забывая усиленно работать челюстями.

Вопрос поверг морского волка в недоумение. Какое-то время он переводил взгляд с меня на дочку и чесал голову, потом нехотя пояснил:

– Так я ей сказал давеча, что вы позволили прийти, на дракона этого вашего поглядеть, – говоря это, капитан махнул в сторону Дилариона, который блаженно развалился на столе кверху пузом. – Она, конечно, запрыгала, как стрекоза, что с нее взять-то, леди, ведь девчонка еще совсем, а потом убегла, мол, матери на кухне помочь надо.

– А дальше? – уточнила я, потому что капитан замолчал, хмуря лоб, словно решает в уме сложную математическую задачу.

– А дальше, ваше ледичество, ледство, светлость ваша! Дальше мать ее на кухне так и не увидела!

Поджав губы, чтобы не рассмеяться в голос, я подвела итог:

– То есть вы передали юной леди мое приглашение, а когда она им воспользовалась, побежали следом? Так получается, капитан Сэм.

– Э, леди, – пробурчал капитан, – вечно вы...

Его широкое загорелое лицо, покрытое преждевременными, "солнечными" морщинами, озарила улыбка.

– А ведь выходит так!

В следующий миг лица у дворецких вытянулись еще больше, словно испугались, что от громогласного хохота капитана сейчас рухнет потолок, а мне послышался звон столовых приборов.

– Спасибо, капитан Сэм, что нашли время и навестили меня, – поблагодарила я капитана. Тот бросил виноватый взгляд на дочку.

Девочке было не до него: Диларион, который, должно быть, решил, что хорошо отдохнул, вновь перебрался к Мириам поближе и пыхнул серым облачком.

Это привело Мириам в щенячий восторг, потому что она взвизгнула, захлопала в ладоши, а затем быстрым, неуловимым движением нагнулась и звонко чмокнула дракончика в нос.

– Э, леди, не за что, обращайтесь, – пробормотал капитан, когда понял, что внимание дочери пока для него потеряно, по крайней мере, в ближайшее время. – Я пойду.

– Мириам сопроводят домой, как принцессу, даю слово, – пообещала я, но заметив насупившееся выражение лица девочки, добавила: – Но это будет еще нескоро. Сначала нам предстоит много интересных и важных государственных дел.

– Нам предстоит много важных государственных дел, папа, – бойко повторила мои слова девочка, а Диларион пыхнул облачком.

Неопределенно махнув рукой, капитан Сэм покинул обеденный зал, забыв попрощаться.

Я перевела дыхание, задумчиво посмотрела на Мириам, которая застыла с видом ангелочка с полотна Микелчели, и налила себе сладкого какао.

Когда с какао и доброй половиной пирожных было покончено, Мириам спросила:

– С каких государственных дел начнем?

Я не удержалась, чтобы не рассмеяться, и произнесла немного заискивающе, как принято у взрослых при разговорах с маленькими:

– Наверное, вам крайне необходимо вдоволь наиграться с дракончиком, а мне нужно ненадолго отойти по нудным и неинтересным взрослым делам...

– Ага, мага навестить, – с серьезным видом озвучила мои мысли вслух девочка, отчего я часто заморгала. Не обращая внимания на мою реакцию, Мириам добавила: – Мне тоже его жалко было, он же не виноват в том, что родился магом.

– Ты так считаешь? – осторожно уточнила я у девочки.

– Вот мы с вами, то есть я, – проговорил ребенок после небольшой запинки, – родились с рыжими волосами, и Ксансо говорит, что с головы у меня свисают две морковки! Я ненавижу его за это! Можно подумать это моя вина, что волосы такого цвета...

– Ксансо? – переспросила я, сдерживая смех. Непосредственность Мириам нравилась мне все больше и больше. Показалось, именно такой, бойкой и непослушной, в ее годы была Нинель. – Кто такой Ксансо?

Ребенок наморщил конопатый нос и презрительно буркнул:

– Самый уродливый мальчик в городе!

– Самый красивый мальчик в городе, – подвела я итог и рассмеялась, когда Мириам возмущенно засопела, поняв, что обман раскрыт.

– Поиграешь с Диларионом в саду, пока я проведаю мага? – улыбаясь, спросила я.

Мириам решительно тряхнула косичками.

– Ни в коем разе, принцесса. Мы с вами пойдем.

Решив, что удастся отвлечь ребенка позже, я переложила салфетку с колен на скатерть и встала из-за стола.

Стоило выйти из обеденного зала, мне неторопливым шагом, а Мириам – вприпрыжку, прижимая к груди Дилариона, как увидели ожидающего у окна Альре. Рядом с недовольным видом перетаптывается с ноги на ногу Рамина.

– Как ваш завтрак, миледи? – поинтересовался Альре, а Рамина, явно хотевшая задать тот же вопрос, поджала губы.

– Благодарю, Альре, – ответила я с улыбкой и, прежде, чем Рамина успела что-то сказать, попросила управляющего: – Я хотела бы взглянуть на пленника. Не проводите нас?

Рамина присела в книксене и елеинным голосом произнесла, глядя на Мириам:

– Может, было бы куда лучше, если бы уважаемый господин Альре проводил милую малышку в розовую оранжерею?

Альре вопросительно посмотрел на меня, а "милая малышка" показала Рамине язык.

Я нахмурила брови, желая показать, что не одобряю такой дерзости, но Мириам тут же принялась с самым невинным видом чмокать дракончика в нос, и я решила воздержаться от наставлений. Судя по выражению хитрющей зеленой мордочки, Диларион в восторге от малышки, но делает вид, что терпит.

– Альре покажет дорогу к пленнику, – сказала я Рамине, и, взглянув на Мириам, прижимающей к себе дракончика, добавила обреченно: – Всем нам. А ты, Рамина, иди и узнай у мистрис Одли мое расписание на завтра. После обеда доложишь все, что узнаешь о моем расписании дня.

Рамина присела в книксене, потупив взгляд, но я почему-то отчетливо ощутила волну досады, идущую от девушки. Причем досада камеристки направлена не на меня, а на Мириам.

К пленнику мы шли быстрым шагом. Мириам что-то рассказывала по дороге и восхищалась дракончиком вслух, но мои мысли занимал арестованный маг и я плохо слушала. Я была благодарна Альре за то, что поддерживал разговор с "юной леди" и лишь изредка бросал на меня понимающие взгляды.

Гвардейцы в черном, точь-в-точь такие, как были на пристани, разошлись в стороны при нашем приближении.

– Ходил из угла в угол всю ночь, сейчас малость поунылся, – сообщил мне один из них, а второй скупно кивнул, подтверждая слова напарника.

К моему облегчению, условия, в которых разместили пленника, оказались вполне сносны.

Посреди светлой камеры с кирпичными стенами невысокая кровать, на которой сидит взъерошенный юноша с нервным бледным лицом. Кроме кровати здесь еще два стула, стол, невысокая дверь явно идет в уборную, а под самым потолком расположено небольшое окно. Поднос с остатками завтрака на столе красноречиво говорит, что голодом пленника не морили, а вполне здоровый, несмотря на бледность, вид парня, что лекарь не решился нарушить мое распоряжение.

Стоило войти в камеру, маг поднял голову и уставился на меня круглыми темными глазами.

– Вы пришли казнить меня? Я готов, – сказал пленник, тряхнув длинной пшеничной челкой.

Глава 6

Едва оказались внутри, девочка спряталась за меня и больше не высывалась, а Альре застыл слева, как колонна, почти слившись со стенами. Лишь дракончик наклоняет голову то в одну, то в другую сторону, разглядывая мага.

Я некоторое время изучала пленника, удерживаясь от необдуманных фраз и помня недовольство виконта моим поведением. Пленник смотрел на меня прямо и даже с вызовом, словно я и есть причина всех его несчастий, которым он готов смело взглянуть в лицо. Это сразу возвысило его в моих глазах. На Альре пленник внимания не обратил, а по дракончику лишь скользнул взглядом.

Выждав положенную минуту, я проговорила:

– Я не палач, и казнить вас не смею.

– Тогда зачем такая благородная леди спустилась в самое подземелье Города-крепости? Если не сообщить о казни?

Его голос оказался низким, несмотря на моложавое лицо, которое после посещения лекаря успело зажить и теперь могу рассмотреть крупные черные глаза, тонкий нос и острый подбородок, который делает его похожим на птицу. Соломенные волосы падают на лоб, он откидывает их небрежно и взирает снизу-вверх, сидя на кровати.

Я снова выждала степенную паузу, хотя хотелось сесть рядом, выгнать конвой и расспросить мага обо всем, что случилось, и проговорила:

– Вряд ли леди стала бы спускаться в подземелье, чтобы сообщить о казни. Полагаю, для этого здесь есть специально обученные люди.

Во взгляде юноши мелькнула озабоченность и тревога.

– Тогда зачем? – спросил он.

– Я будущая леди Черной Пустоши, – сообщила я, стараясь подчеркнуть важность статуса, – и должна заботиться о каждом ее жителе.

Плечи мага повисли, лицо приняло кислое выражение, словно это самые разочаровывающие слова, какие слышал. Потом махнул рукой и произнес:

– Ах, вот оно что. Тогда покорнейше прошу прощения, миледи, что сижу. Мои раны залечили, но ноги прикованы к полу, и я могу лишь привстать на полусогнутых.

В начале это от меня ускользнуло, но теперь заметила массивные кандалы, которые тянутся от его ног до пола. Меня передернуло от негодования и возмущения, а по телу растекся жар, какой бывает, когда гнев готов захлестнуть с головой.

– Почему его приковали? – спросила я резко у стражника.

Тот выпрямился, как струнка и отчеканил:

– Приказ его милости.

– Его милости? – переспросила я.

– Виконта де Жерона.

По спине прокатились мурашки, а в груди заклокотал гнев. Коварство и изобретательность виконта относительно пленника вызвали такую дрожь в руках, что их пришлось спрятать за спину. За секунду перед глазами пронеслись картины, в которых я выгоняю виконта из замка и отправляю на все четыре стороны, а он умоляет сжалиться и оставить ему хотя бы коня.

Когда стражник покашлял, я вынырнула из грез о справедливой каре де Жерона и сказала ему:

– Прошу оставить нас.

Стражник вытаращил глаза и проговорил изумленно:

– Миледи, это крайне опасно. У меня приказ. А он маг и...

– Я тоже маг, – оборвала я его. – Тем более, пленник в кандалах, прикован к полу и если что, вы ведь будете за дверью? Верно?

Лицо стражника исказилось сомнением, брови сдвинулись, нос зашевелился, как у белки, которая нюхает орех. Я добавила:

– Вам ведь положено выполнять приказы?

– Так точно, миледи. И у меня есть приказ стеречь пленника.

– Вы и будете его стеречь, – согласилась я. – За дверью.

Он снова задумался, морща лоб и шевеля губами. Прошли пара минут, а он все думал, и мне показалось, что слышу, как шевелятся мысли в его голове.

Наконец я не выдержала и сказала:

– Да оставьте же вы нас вдвоем. Мне нужно поговорить с пленником.

– О чем это? – удивленно спросил стражник.

– О магии, – резко сказала я и для вида выпучила глаза, как сова, которая съела полевку.

Стражник вздрогнул и отшатнулся, словно я только что совершила нечто крамольное, оскорбила богов или вылила помой в священные воды Съаска. Он попятился, натываясь на стены и бормоча какие-то бережные слова. Когда его зад толкнул дверь, стражник выскользнул из темницы, и прикрыл створку, до последнего не сводя с меня испуганного взгляда.

Едва стражник вышел, я обернулась к Мириам, которая застыла с пальцем во рту, и проговорила:

– Вкусный был завтрак, правда? Особенно сахарные рогалики.

– Сахарные рогалики? – уточнил ребенок, поднимая брови. – Не было никаких сахарных рогаликов?

– Ну как же, – мгновенно включился в задуманную мной игру Альре. – С шоколадной начинкой! Наверно, юная леди не заметила самого главного лакомства, не побоюсь этого слова, гордости нашего повара!

Девочка шмыгнула носом, а я коварно проговорила:

– Ничего, Альре, мы пригласим Мириам на завтрак в следующий раз, когда повар будет печь рогалики.

– Через неделю, миледи, – согласился Альре. – Думаю, что это прекрасная идея.

– Через неделю?! – взвывла девочка и даже закованный в кандалы маг посмотрел на нас осуждающе.

– А может, мы успеем съесть те, что не съели за завтраком, сегодня? – умоляющим тоном произнес ребенок, складывая ладошки у груди. Диларион, который успел переместиться на мое плечо, едва лишь услышал о съестном, возмущенно пискнул.

Я деланно вздохнула и произнесла:

– Только, если что-то останется, Мириам. Ведь разговор нам с магом предстоит очень долгий.

Капитанская дочка наморщила конопатый нос и осторожно поинтересовалась:

– А нам с Диларионом обязательно нужно быть здесь и ждать, пока вы поговорите?

Я пожала плечами и протянула:

– В принципе, обо всех государственных делах мы уже поговорили, поэтому, если хочешь....

– Хочу рогалики! – воскликнул ребенок и захлопал в ладоши.

– Идемте, юная леди,ждемся принцессу в саду, – сказал девочке Альре и сделал приглашающий жест в сторону двери.

Уже из коридора до меня донеслось настойчивое напоминание девочки о сахарных рогаликах с шоколадной начинкой, и, с чувством победы внутри, я обернулась к магу.

– Слава богам, мы можем поговорить без посторонних, – проговорила я. – Скажите, за что вас хотели казнить?

– Какое вам до этого есть дело, миледи? – спросил он, косясь на меня озадаченно. – Я слышал, что вы сказали. Вы маг. Но это ничего не меняет.

– Очень многое меняет, – произнесла я, слегка обиженная на пленника за неблагодарность. – Я не просто маг, а невеста Карла Сварга.

Он усмехнулся.

– Да помогут вам боги и все святое воинство.

– Да как вы смеете, – не выдержала я. – Я стащила вас с помоста, когда вас хотели сжечь, отправила лекаря залечить раны, от которых к утру вы бы умерли. И теперь спустилась в подземелье, чтобы помочь. А вы ведете себя как неблагодарный и невоспитанный человек. Вы же маг. Не смейте позорить наше доброе имя.

Юноша поднял на меня черные, как ночь глаза, в которых показалось, отразились звезды, что значит, он практиковал магию ночи и лесных существ. А также то, что сила его опасна и плохо управляема.

– Прошу простить меня, миледи, – сказал он после небольшой паузы. – Не думайте, я умею обращаться с леди. Но все, что вы сделали бесполезно. Меня казнят сегодня, завтра или по возвращении Черного принца. Магия запрещена в Черной Пустоши, и ни вы, ни кто-то другой не сможет мне помочь.

Он говорил это с таким спокойствием и обреченностью, что к горлу подступил комок, а глаза затуманились. Перед глазами вновь поплыли образы, в которых мага казнят разными способами и по нескольку раз, словно у него, как у кошки, девять жизней, и гвардейцы Карла Сварга раз за разом отнимают по одной.

Сморгнув влажную завесу, я быстро вдохнула и сказала:

– Но за что? За что они хотят казнить вас?

– Как за что? – удивился юноша. – За магию.

– Вы кого-то убили? – почти шепотом спросила я.

Он горько улыбнулся и проговорил, глядя в пол:

– Лучше бы убил. Тогда меня бы не схватили. Но это все неважно. Я виноват лишь в том, что поверил не тому и не в том месте. Да, я колдовал. Что поделать, я маг. Но делал это, доверяя тому, кто убеждал в пользе моих заклинаний. Я жил отшельником на окраине западного леса и изучал ночное мастерство.

Я кивнула и проговорила:

– Да, я видела звезды в твоих глазах.

Он повернул голову и одобрительно причмокнул.

– Вы сильный маг, если заметили такое, – произнес он и вновь опустил взгляд в пол. – Западные леса – дремучий край. Там почти никто не живет, и вести туда доходят с огромным запозданием. Я попал в те земли учеником к колдуну, когда мне было пять. Но тот был очень стар и умер спустя год. Поэтому магическое мастерство я постигал сам по книгам и гримуарам. Но вы, как маг, знаете – чтобы практиковать магию, нужно посвящение. Меня посвятить было некому. Поэтому я изучал ее лишь в теории.

Я слушала его и с трудом верила, как кто-то может выучить заклинания и формулы без применения и тренировки.

– У вас, должно быть, очень хорошая память, – проговорила я. – Очень непросто учить фолианты, но не понимать, как это работает.

Юноша кивнул.

– В западных лесах много времени, – сказал он, – а я всегда отличался любознательностью. Вы можете спросить меня о любом заклинании, из любого фолианта, что хранятся в хижине старого мага. Я расскажу дословно.

– Это невероятно, – выдохнула я.

Он не заметил моего восторга и продолжил:

– И вот однажды в наши забытые богами земли забрел торговец. Точнее, я думал, что он торговец. Как водится, я накормил, напоил и дал ему отдохнуть. И он рассказал, что в Авроре есть человек, который может дать мне посвящение. Вы ведь понимаете, миледи, магу, который никогда не практиковал, эти слова были как бальзам на израненную душу. Я оправился в Аврору. И нашел этого человека с удивительной легкостью.

– Вас посвятили? – не удержавшись, спросила я.

Лицо юноши исказилось болью, он ответил:

– Посвятили. Но взяли обещание, что в качестве платы сотворю заклинание темного портала. А это очень длинный портал, как вы знаете.

Я кивнула. Когда дома читала книги по ночной магии и магии лесов, всегда особенно любила разделы о порталах потому, что благодаря им можно было перемещаться по Аварону без летучего коврика. Хотя часто пользоваться ими не разрешали из-за трудности заклинаний и долгого восстановления после них. Но был раздел, которым не пользовались даже в Авароне, поскольку темные порталы способны соединять очень далекие территории, и, если их не контролировать, это грозит безопасности королевства.

Юноша продолжил:

– К счастью, доделать портал я не успел. Меня схватили. А когда убежал, меня коней на каждом постоялом дворе, узнал, что во всей Черной Пустоши запрещен даже намек на магию.

– Вы не знали? – выдохнула я, вытаращив глаза.

Он покачал головой.

– Откуда? – сказал он. – В западных лесах непроходимая глушь. Я даже не знал, что Пустошью управляет Карл Сварт.

– Но это несправедливо! – вырвалось у меня. – Как можно казнить человека за... Вы же не знали! Не знали!

Плечи юноши повисли, голова опустилась, словно в нем кончился запас энергии, которую потратил на рассказ. Голос прозвучал отстраненно и обреченно.

– Думаю, это меня не спасет.

Дыхание перехватило. От мысли что казнят невинного мага, внутренности сдавила ледяная лапа, я сжала кулаки и сказала:

– А если... если... Я вас спасу?

Маг вновь поднял на меня черные, как звездная ночь, глаза. Несколько мгновений смотрел, словно пытается заглянуть в самую душу, потом проговорил низким голосом:

– Тогда я стану вашим верным слугой на всю жизнь.

Только я собиралась сказать, что сделаю все возможное, как дверь с грохотом распахнулась, словно ее отворили ногой или ударом кулака.

Я не успела даже вздрогнуть, как в камере оказался виконт де Жерон. Брови сошлись у переносицы, глаза потемнели от гнева, губы плотно сжаты, а на щеках играют желваки.

Смерив меня уничижительным взглядом и не удостоив таковым мага, де Жерон выпалил:

– За мной.

В первый момент маг сжался, словно ожидал удара, но спустя мгновение горделиво расправил плечи и вскинул подбородок. Неловко дернувшись, он встал на ноги, с прямой как жердь спиной, но истинным чутьем мне было слышно, что эта поза причиняет ему сильную боль. До конца выпрямить колени ему все же не удалось из-за коротких цепей.

Я, в свою очередь, оторопело повернулась к виконту и, решив, что ослышалась, переспросила:

– Что вы сказали?

Желваки на щеках заиграли с утроенным рвением, и, прежде, чем я успела сказать хоть что-то, виконт произнес:

– Еще одно слово, и я протащу вас по подземелью и всем анфиладам замка силой и лично запру в ваших покоях. За мной, я сказал!

С этими словами он развернулся и быстрым шагом покинул камеру.

Я бросила быстрый взгляд на мага, и прочитала в его глазах беспомощность и страх, причем не за себя, а за меня.

– Этот человек плохо себя контролирует и лучше делать то, что он говорит, – пробормотала я, торопливо приседая в книксене, прежде, чем покинуть камеру.

Маг проводил меня задумчивым взглядом.

В коридоре я едва сдержалась, чтобы не сорваться на бег, пытаясь догнать виконта.

Удалось мне это лишь на выходе из подземелья. Поднимаясь по витой лестнице, я запыхалась, дыхание стало тяжелым, но виконт, который шел впереди, ни разу не оглянулся.

Когда должны были повернуть в восточное крыло дворца, виконт воспользовался не приметной дверью и свернул совсем в другом направлении.

Стоило миновать узкий, но длинный коридор, как мы оказались в том самом саду, где Альре знакомил меня с редкими растениями, выведением которых занимается Черный принц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.